

10

Ришелье
Франклин
Киссинджер
Шарль де Голль
Ярослав Мудрый

ГЕНИИ В ПОЛИТИКИ

Иоганн Павел II
Мао Цзэдун
Линкольн
Тalleyrand
Черчилль

FOLIO

Дмитрий Кукленко
10 гениев политики
Серия «10 гениев»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567526
10 гениев политики.: Фолио; Харьков; 2008
ISBN 978-966-03-3879-1

Аннотация

Профессия политика, как и сама политика, существует с незапамятных времен и исчезнет только вместе с человечеством. Потому люди, избравшие ее делом своей жизни и влиявшие на ход истории, неизменно вызывают интерес. Они исповедовали в своей деятельности разные принципы: «отец лжи» и «ходячая коллекция всех пороков» Шарль Талейран и «пример достойной жизни» Бенджамин Франклин; виртуоз политической игры кардинал Ришелье и «величайший англичанин своего времени» Уинстон Черчилль, безжалостный диктатор Мао Цзэдун и духовный пастырь 850 млн католиков папа Иоанн Павел II... Все они были неординарными личностями, вершителями судеб стран и народов, гениями политики, изменившими мир. Читателю этой книги будет интересно узнать не только о том, как эти люди оказались на вершине политического Олимпа, как достигали, казалось бы, недостижимых целей, но и какими они были в детстве, их привычки и особенности характера, ибо, как говорил политический мыслитель Н. Макиавелли: «Человеку разумному надлежит избирать пути, проложенные величайшими людьми, и подражать наидостойнейшим, чтобы если не сравниться с ними в доблести, то хотя бы исполниться ее духом».

Содержание

От автора	4
Ярослав Мудрый	6
Ришелье (Арман Жан дю Плесси, герцог Ришелье)	27
Бенджамин Франклин	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дмитрий Кукленко

10 гениев политики

От автора

Роль политики и политиков в жизни общества и государства всегда была чрезвычайно высока. От воли власть предержащих зависело направление развития страны, вопросы войны и мира, процветание или нищета граждан. В современных демократических странах отдельно взятый политик, даже если он занимает высший государственный пост, уже не является единоличным вершителем судеб миллионов жителей своей страны. Благодаря существующей системе разделения властей решения государственного масштаба обычно являются выражением воли значительной части населения или, по крайней мере, не противоречат ее интересам. Расплатой за непопулярные решения обычно становится поражение на выборах и приход к власти политических сил, заслуживших большее доверие среди избирателей.

Однако сегодня есть достаточно стран, в которых практически вся полнота власти заключена в одних руках. В этой связи можно вспомнить Кубу, где во главе страны уже на протяжении четырех десятков лет находится Фидель Кастро; Северную Корею, которой последние полвека руководили отец и сын, Ким Ир Сен и Ким Чен Ир; а также бывшую советскую республику Туркменистан, возглавляемую Сапармуратом Ниязовым.

С другой стороны, наличие в руках политика неограниченных полномочий еще не гарантирует ему успеха; ведь необходимо ими распорядиться с умом и пользой для страны. Часто гений того или иного политика не бывает по достоинству оценен его современниками, и признание его заслуг перед народом и государством происходит уже после смерти. При этом последующие поколения, в отличие от современников, могут легко позволить себе отбросить из деятельности своего правителя те или иные негативные факты, чрезмерно возвеличив и возведя в разряд легендарных его достижения или же приписав ему новые заслуги. Случается и наоборот, когда вся без исключения деятельность государственного лидера покрывается черными красками.

Исходя из последнего соображения, в список героев нашей книги не были включены действующие политики. Исключение может составить лишь Генри Киссинджер, который, несмотря на преклонные годы, еще оказывает определенное влияние на общественную и политическую жизнь США. Остальные же политики, названные нами гениями своего дела, давно перешли в мир иной, и мы можем по достоинству оценить их свершения в управлении государством и искусстве политической борьбы.

Кратко представим героев нашей книги. Безусловно, выбор всего лишь десяти политиков является весьма субъективным. Читатель может с полным основанием предложить свой, гораздо более длинный список блестящих политических деятелей, оказавших огромное влияние на историю своей страны, да и всего человечества.

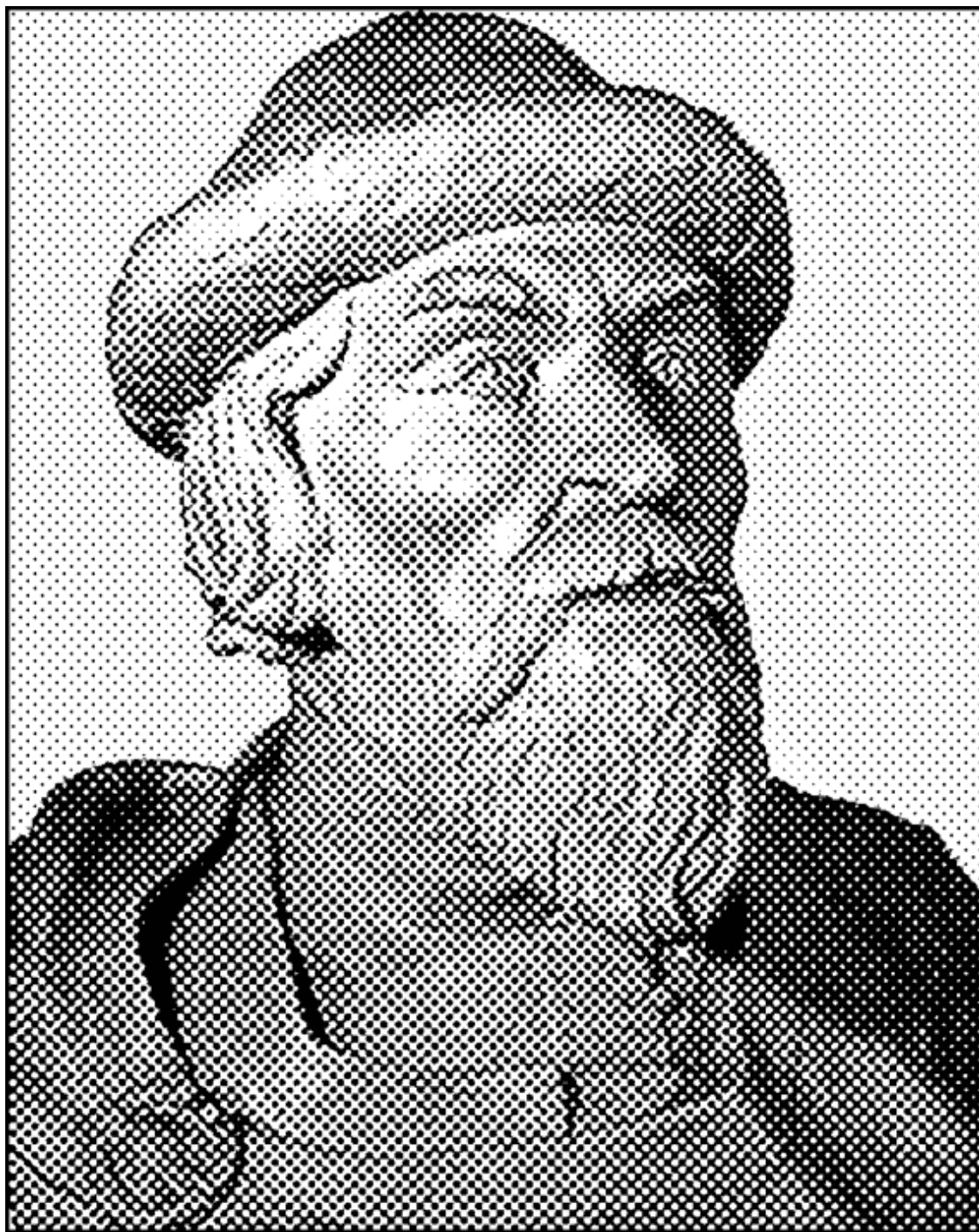
Героями нашего сборника были выбраны политики, возглавлявшие свои страны в переломные моменты истории (к ним можно отнести Шарля де Голля, Уинстона Черчилля, Авраама Линкольна, Мао Цзэдуна) либо же вошедшие в историю благодаря долгому пребыванию у власти, сопровождавшемуся большим количеством интересных исторических событий (сюда, кроме некоторых из уже названных выше, можно отнести кардинала Ришелье). Последний, вместе с Папой Римским Иоанном Павлом II, представляют в нашем сборнике политиков, тесно связанных с деятельностью церкви. И это не случайно, ведь на протяжении практически всей истории человечества церковь оказывала значительное влияние на

жизнь целых государств и народов. Также значительную часть книги занимает повествование о дипломатах, людях, которые, не являясь главами своих государств, защищали их интересы на международной арене. Статьи о Бенджамине Франклине, Шарле-Морисе Талейране и Генри Киссинджере дают представление о различных, порой весьма неприглядных, аспектах дипломатической деятельности.

Отдельно следует сказать о представителях стран бывшего Советского Союза. Безусловно, едва ли не каждый советский, да и пост-советский лидер мог бы претендовать на место среди гениев политики. Однако оценки деятельности этих людей нашими современниками зачастую расходятся диаметрально. Поэтому, чтобы не обострять лишний раз политические и иные противоречия, мы решили включить в сборник статью о Ярославе Мудром, фигуре нейтральной по отношению к событиям последнего времени, но в то же время оказавшей значительное влияние на историю.

Ярослав Мудрый

Великий князь киевский. Князь ростовский в 987—1010 гг. Новгородский в 1010—1036 гг. Великий князь киевский в 1016—1018, 1019—1054 гг. Существенно расширил границы Киевского государства. Ввел свод законов «Русская правда».

Ярослав Мудрый, правление которого пришлось на первую половину IX века, продолжил политику своего отца, Владимира Великого, крестившего Русь. Ярославу удалось расширить роль христианства на подвластных ему территориях. Также он вошел в историю как

просветитель и создатель первого в истории Киевских земель сборника законов, известного под названием «Русская правда».

С юного возраста Ярослав сильно хромал, что в какой-то степени предопределило его относительно мирное правление, ведь хромоте было бы куда тяжелее переносить многочисленные военные походы. Увечье князя было связано с врожденным вывихом правого тазобедренного сустава и отягощено тяжелой травмой правого колена, полученной в одной из битв. (В летописи сказано: «Он был хромоног, но ум у него был добрый и на рати был храбр».) Скорее всего, именно судьба Ярослава послужила основой для народной сказки об Илье Муромце, который «сидел сиднем» 33 года. У Ярослава паралич ног прошел в 988 году, после сильного нервного потрясения. В скандинавских сагах Ярослав известен под именем Ярислейфа Скупого. А настоящее, христианское, имя князя – Георгий (в некоторых переводах – Юрий).

Прозвище «Мудрый» закрепилось за великим князем Ярославом в официальной русской историографии лишь во второй половине XIX века. Историки отмечают, что в отличие от практически всех современных ему правителей, укреплявших мощь страны с помощью силы оружия, Ярослав значительную часть своих усилий прикладывал к развитию науки и просвещению населения.

О детстве нашего героя известно довольно мало. Из-за расхождений и неточностей в летописях историки не пришли к единому мнению даже о годе его появления на свет. У отца Ярослава Мудрого Владимира от первой жены Рогнеды было четыре сына (Изяслав, Мстислав, Ярослав и Всеволод) и две дочери. После того как Владимир расправился со своим братом Ярополком, он взял себе в жены его супругу, которая была уже беременна и вскоре родила Святополка. Кроме него, у Владимира было еще восемь сыновей (Вышеслав, Святослав, Мстислав, Станислав, Позвизд и Судислав, а также Борис и Глеб, рожденные от супруги из Византии).

Существует, впрочем, версия, основанная на других летописях, согласно которой Ярослав не являлся сыном Рогнеды. По этой версии, Рогнеда родила Владимиру одного лишь Изяслава, после чего тот отправил ее с сыном обратно в родительский дом. С тех пор потомки Рогнеды княжили в Полоцке, и в память о возникшей обиде между ее сыновьями и другими сыновьями Владимира существовала родовая вражда. Более того, одна из летописей описывает подробности покушения на Владимира, затеянного Рогнедой из ревности. Якобы она уже занесла руку с ножом над спящим мужем, но тот проснулся и успел перехватить удар. За покушение на мужа в то время полагалась смерть, и Владимир велел супруге одеться в брачное платье и ждать его в покоях – он сам явится к ней и умертвит ее. Рогнеда же подговорила малолетнего Изяслава защитить ее, и когда Владимир вошел к ней, ему навстречу, держа в руках меч, вышел Изяслав со словами: «Отец, ты здесь не один». Князь отказался от своего намерения и передал Рогнеду боярам на их суд. Те, посоветовавшись, посоветовали князю помиловать жену, потому что она должна была воспитывать ребенка, проявившего уже в малые годы такую смелость. После этого Владимир и отослал Рогнеду с сыном к ее отцу. Потомки Рогнеды и Изяслава, мягко говоря, недолюбливали наследников Владимира и их детей. Эта вражда стала одной из причин продолжительных междоусобиц, охвативших Русь после смерти Ярослава.

Следуя обычаю своего времени Владимир разделил свое государство между сыновьями. Сначала Вышеславу достался Новгород, Изяславу – Полоцк, Ярославу – Ростов. Но вскоре Вышеслав умер, и Новгород был передан Ярославу, а в Ростов отправился подросток Борис. Кроме того, Глеб получил Муром, Святослав – землю древлян, Мстислав – Тмутаракань, Святополк (племянник Ярослава) – Туров, а Изяславу достался Полоцк. Не оставив детям указаний относительно своего наследника и не приучив их к самостоятельному управ-

лению своими уделами, Владимир невольно спровоцировал длительные выяснения отношений между своими сыновьями.

Будучи правителем Новгорода, Ярослав должен был платить отцу две тысячи гривен дани ежегодно; еще тысяча гривен должна была выплачиваться войску великого князя. Ярослав, которому в ту пору было уже за тридцать, рискнул объявить о своем неподчинении и отказался платить дань. Узнав об этом, Владимир пришел в страшное раздражение и начал собирать войско в поход на Новгород, чтобы проучить дерзкого сына. Ярослав же не собирався отступать и пригласил наемников – варягов. Как пишет Карамзин, «небо... спасло Ярослава от злодеяния редкого» – войны с родным отцом. Битва не состоялась, потому что князь Владимир тяжело заболел и вскоре умер. Его болезнь и смерть совпали по времени с вторжением печенегов, борьбу с которыми Владимир успел поручить своему сыну Борису. Тот отправился в поход против печенегов, еще не зная о кончине отца. За время его отсутствия власть в Киеве захватил Святополк, который был лишь усыновленным ребенком Владимира.

Вернувшись с победой из похода, Борис с войском остановился у стен Киева и только здесь узнал о смерти Владимира. Военачальники советовали ему захватить власть, которая, как они считали, принадлежит ему по праву. Но Борис не захотел воевать со своим братом. Его соратники посчитали этот поступок малодушным и массово перешли на сторону Святополка.

Святополк же, чувствуя, что его положение непрочное, пока вблизи Киева находится другой наследник Владимира, к тому же имеющий куда больше прав на престол, потребовал от верных ему бояр убить Бориса. Когда убийцы подстерегли Бориса, он молился, и поэтому они не решились напасть на него. Тот же, узнав об окруживших его убийцах, принялся громко упоминать в молитве своего брата Святополка, пытаясь таким образом отвести от себя беду. Но, когда Борис закончил, убийцы все же ворвались в шатер и закололи его копьями. Вместе с ним, пытаясь прикрыть князя своим телом, погиб его слуга Георгий, родом из Венгрии. Борис умер не сразу. Он был еще жив, когда его завернули в ткань шатра. Святополк, узнав об этом, велел убийцам вернуться и завершить начатое. Следует отметить, что, согласно скандинавским летописям, убийство Бориса было совершено по приказу Ярослава, а не Святополка.

Но, как уже говорилось, у Владимира было много родных сыновей, и все они были потенциальными противниками Святополка в борьбе за власть. Для начала Святополк решил разобраться с Глебом. Он послал ему известие о том, что Владимир тяжело болен и желает увидеть сына. Глеб с малочисленным войском поспешил на свидание с отцом. Навстречу ему Святополк направил убийц. Недалеко Смоленска Глеба настигли посланцы Ярослава и рассказали ему о смерти отца и брата Бориса, а также о коварстве Святополка. Но и этот сын Владимиров проявил нерешительность, и вместо того чтобы свернуть с пути и избежать уготованной ему участи, остался на месте и принялся оплакивать отца. Вскоре его обнаружили люди Святополка и убили.

В летописях Борис и Глеб назывались сыновьями «болгарыни», однако, скорее всего, их матерью была греческая принцесса, жена Владимира. Возможно, это была одна и та же женщина, двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Поскольку Борис и Глеб были рождены христианкой, Владимир выделял их среди остальных своих детей. Он считал их более законными, так как был связан с их матерью христианским браком, в отличие от других своих некрещеных жен. К тому же они и по материнской линии были особами царской крови. Борис и Глеб еще долго считались покровителями рода князей и хранителями русской земли; победы русского войска порой приписывались вмешательству этих святых. Первыми ростками культа Бориса и Глеба можно считать 1052–1053 годы. Именно в это время началось возведение Вышгородской церкви Святых Романа

и Давида. Целью ее постройки было иметь достойное место захоронения останков Бориса и Глеба, признанных мучениками. Их канонизация состоялась в 1071 году, и они стали первыми русскими святыми. В 1115 году мощи Бориса и Глеба были торжественно перезахоронены в Вышгороде, в специально возведенной церкви. Позднее во время нашествия Батыя церковь была разрушена, а мощи святых утрачены.

Святослав, удел которого находился в древлянских землях, прослышал о коварстве Святополка и решил, не дожидаясь своей очереди, бежать в Венгрию. Однако посланцы Святополка настигли его по дороге и убили.

Против братоубийцы выступил Ярослав. Правда, он мог лишиться жизни в собственной вотчине. Ведь Ярослав еще при живом отце готовился к войне против него, для чего призвал войско варягов. Приезжие вели себя дерзко по отношению к новгородцам, унижали их жен и грабили дома. Оскорбленные новгородцы собрали ополчение и перебили варягов. После этого самые знатные бояре отправились к Ярославу просить прощения за свой бунт. Но князь велел казнить их за неповиновение. И как только свершилась эта расправа, он получил известие о кончине своего отца и предательстве Святополка. Ярослав вышел из положения, попросту купив доверие новгородцев, которым он щедро заплатил за убиенных бояр, и прилюдно покайся в своем грехе. Затем Ярослав собрал новое войско из 40 000 русских воинов и тысячи варяжских и выступил против Святополка.

Новгородцы без особых колебаний согласились вновь защищать князя, ведь отказать Ярославу означало вновь оказаться в зависимости от Киева и принять нового Киевского наместника. Важную роль в принятии окончательного решения стал страх горожан: Ярослав мог набрать войско из одних лишь варягов, вернуться из-за моря и отомстить Новгороду, как это сделала его прабабушка, княгиня Ольга.

Ярослав и Святополк встретились у Любеча, на берегах Днепра. Войска долго стояли друг против друга, не решаясь напасть. Осенью Ярослав наконец приступил к активным действиям. Подкупив одного из воевод Святополка, князь новгородский узнал, что в одну из ночей войско Святополка устраивает пир. В эту ночь Ярослав со своими воинами, стараясь не шуметь, переправились через Днепр. Оказавшись на чужом берегу, они столкнули свои лодки в реку, показав тем самым, что намерены или победить, или умереть. Чтобы в пылу битвы различать своих, новгородские воины повязали головы платками. В ходе сражения войско Святополка, теснимое новгородцами, вынуждено было отступать по льду едва замерзшего озера. В результате лед надломился, и большая часть воинов Святополка погибла.

Ярослав на правах победителя вступил в Киев, где местные бояре устроили ему торжественную встречу. Однако Святополк не собирался мириться с поражением и отправился искать заступничества к польскому королю Болеславу. Тем временем Ярослав был занят обустройством Киева, сильно пострадавшего от пожара, и не успел как следует подготовиться к отражению нападения нового врага. По свидетельству польских историков, когда к Ярославу прискакал гонец с вестью о нападении Болеслава, он занимался рыбной ловлей на Днепре. Князь тотчас прервал свое занятие со словами: «Не время думать о забаве, время спасать отечество».

Войска Болеслава и Ярослава встретились на Буге. И здесь удача отвернулась от русского князя. Стоя на противоположных берегах реки, воины осыпали друг друга насмешками. Один из воевод Ярослава решил посмеяться над необычайной тучностью короля Болеслава. Тот, оскорбившись, призвал своих воинов к немедленному отмщению. Польское войско тут же устремилось в атаку через реку, а ошеломленные такой стремительностью русские не смогли оказать сопротивления.

Ярослав был вынужден отступить в Новгород, поскольку войска для обороны Киева у него не было. Болеславу и Святополку оставалось взять Киев. Город был осажден, и вскоре

его жителям пришлось открыть ворота и впустить польское войско. Бояре были вынуждены вновь признать великим князем Святополка, а Болеслава удостоили титула великодушного покровителя. Впрочем, именно за Болеславом, приведшим на копьях своих воинов Святополка в Киев, осталась фактическая власть над Русью.

Ярослав, который уже не мог продолжить борьбу, готов был покинуть новгородскую землю и укрыться у варягов. Однако новгородцы решили поддержать своего князя и собрали средства на организацию нового войска.

Неожиданную помощь Ярославу оказал сам Святополк. Недовольный тем, что власть на территории Руси принадлежит не ему, а посадившим его на престол полякам, он задумал новый заговор, на этот раз против своих недавних друзей. Болеслав, отбивший в Польшу и захвативший с собой многочисленные киевские сокровища, оставил в некоторых городах своих воевод. Святополк тайно велел градоначальникам этих городов убить поляков. Последние были уверены, что в Руси им ничто не угрожает, и не принимали мер предосторожности. За свою самонадеянность они заплатились жизнью. Вдогонку за Болеславом тоже было послано войско, но его разбили под Бугом, как и войско Ярослава.

Между тем наш герой со вновь собранным войском шел к Киеву. Войско же Святополка было существенно меньше, к тому же часть его была разгромлена Болеславом при отходе в Польшу. Не дожидаясь прихода Ярослава, Святополк бежал к печенегам и призвал давних врагов Русской земли на помощь. Войска Ярослава и печенегов сошлись под Киевом, на том самом месте, где в свое время посланные Святополком убийцы настигли Бориса. Битва продолжалась целый день и закончилась победой войска Ярослава. После этого Святополк снова бежал, на этот раз уже окончательно. Больше он не предпринимал попыток захватить власть. В историю этот русский правитель вошел под прозвищем Святополк Окаянный.

Но междоусобная война наследников Владимира на этом не закончилась. Против Ярослава восстал внук Владимира, Брячислав, который княжил в Полоцке. Он напал на Ярославов удел в Новгороде, где ограбил и взял в плен местных жителей. Князю удалось перехватить его на обратном пути и отобрать добычу. Ярослав преследовал племянника до Псковской области, где на реке Судоме произошла битва. Освободив пленников, Ярослав заключил с Брячиславом мир. Полоцкий князь получил Витебскую волость в качестве «отцепного». По-видимому, родственники на том и примирились, поскольку Брячиславу было позволено вернуться в Полоцк.

Следующим против Ярослава выступил Мстислав, правивший в Тмутаракани. К тому времени он успел существенно расширить подконтрольную ему территорию за счет побед над хазарами и черкесами. Этого князю показалось мало, и он решил выступить на Киев. Тем временем великий князь Ярослав отправился усмирять мятеж в Суздале, и Киев был защищен лишь стенами и малочисленным войском. И хотя именно это отпугнуло Мстислава, зато ему удалось захватить Чернигов.

Бунт в Суздале был вызван прежде всего голодом. Горожане обвиняли в своих напастях колдуний, к которым было отнесено большинство старых женщин. Многие искали спасения от голода на Волге, откуда вскоре было привезено большое количество зерна. Ярослав призвал жителей Суздали верить в Бога, который защитит их от напастей. Призывы были подкреплены силой оружия и казнями зачинщиков бунта. Усмирив суздальцев, Ярослав отправился в Новгород, собирать новое войско против Мстислава.

Мстислава Владимировича, младшего брата Ярослава, не зря называли «грозой кочевников». Еще до начала междоусобиц шла изнурительная русско-косожская война. Ее эпицентром был далекий от столицы город Тмутаракань, что на Таманском полуострове. Мстислав, естественно, командовал русинами. Кочевники шли в бой под началом Редеди. Перед решающей битвой Редедя предложил русскому князю поединок два на два, без помощи воинов, коих и так полегло уже немало. Мстислав согласился, приняв долгий и яростный бой.

Согласно преданиям, Редедя медленно, но верно одолевал Мстислава. Тот, почувствовав нахлынувшую усталость, начал молиться Пресвятой Богородице, прося у нее выносливости и победы. По существующей в Средние века традиции он даже дал обет – построить церковь с приделом Пресвятой Богородицы. Закончив молитву, князь ощутил прилив свежих сил, «ударил Редедю о землю» и зарезал его. После гибели предводителя кочевников победить косогов было нетрудно. Русичи вошли в их город, разграбили его, получив дорогие трофеи, а также обложили местных жителей данью. Свой обет Мстислав все-таки выполнил: по возвращении из военного похода он приказал начать строительство церкви Богородицы в Тмутаракани.

На помощь в битве с младшим братом Ярославом он снова призвал варягов. Как видим, в то время искать помощи у иноземцев не считалось чем-то зазорным для русских правителей. К этому прибегали и Святополк, и Мстислав, обращавшийся за помощью к грекам, и сам Ярослав.

В битве, которая состоялась в окрестностях Чернигова, Мстислав поставил под главный удар варягов войско, собранное им из черниговских воинов, а свою дружину оставил в резерве. И когда варяги уже начали теснить черниговцев, по ним ударила тмутараканская дружина Мстислава. Не выдержав натиска, варяги отступили.

После этой победы Мстислав, вместо того чтобы преследовать поверженного брата, неожиданно сообщил ему, что... признает его верховенство и позволяет беспрепятственно вернуться и править в Киеве. Однако Ярослав, наученный горьким опытом отношений со своими коварными родственниками, возвращаться не спешил. Он правил Киевом через посланников, а тем временем собирал в Новгороде новое войско и готовился к очередной схватке с Мстиславом. Но битвы удалось избежать. Братья встретились под Киевом и заключили союз, разделив государство на две части. Границей стал Днепр. Ярославу досталась западная часть, а Мстиславу – восточная. Этот союз просуществовал десять лет до самой смерти Мстислава – и дал возможность Руси передохнуть от междоусобных войн.

За это время Ярослав вернул русские владения на Западе, отнятые Болеславом и польским войском во время похода на помощь Святополку Окаянному. На севере русских владений, в Ливонии, Ярослав в 1030 году основал город Дерпт (современный Тарту). Но несмотря на то, что владычество Руси над прибалтийскими народами – ливонцами и чудью – было относительно мягким (их не принуждали к принятию христианства и собирали весьма умеренную дань), они все же подняли бунт и в ходе длившихся несколько лет войн получили наконец волюницу.

С именем Ярослава связывают и основание города Ярославля. Древняя легенда рассказывает о том, что на месте, где сейчас стоит город, Ярослав убил медведицу, которую жители селения Медвежий угол спустили на князя. Там он впоследствии повелел основать крепость. Эту легенду отражает и герб города: на серебряном щите изображен медведь с секирой.

Говорят также, что князь обладал довольно крутым нравом, когда речь заходила о безопасности Киевских земель. Хорошим примером послужил 1035 год: умер Мстислав Таманский, брат Ярослава, гроза степей. К Киеву потянулись орды кочевых племен, по словам византийского историка – «многочисленное племя, которое вшей пожирает». Это были печенеги, они знали Ярослава как калеку и книжника, слабого и неспособного к обороне. Но их ждал полный разгром; не помогло даже то, что печенежский князь Куря когда-то сумел поладить с самим Святославом Игоревичем, одним из наиболее воинственных князей Киевской Руси.

После кончины Мстислава Ярослав стал наконец властителем всех русских земель, поскольку у Мстислава не было наследников. Владения Ярослава простирались от Балтийского моря до Карпатских гор и Черного моря.

Но ни междоусобные войны, вспыхнувшие после смерти Владимира, ни собственный опыт не преподнесли хороший урок русскому князю. И он дожидался лишь взросления своих сыновей, чтобы снова разделить между ними Русь и снова ввергнуть ее в междоусобицу. Князь был женат на дочери шведского короля Олафа Ингигердте. Подробности этой свадьбы содержатся в произведении Снорри Стурлусона «Круг земной», написанном в первой половине XIII века. Как только старшему сыну Ярослава и Ингигердты Владимиру исполнилось шестнадцать лет, отец отправил его княжить в Новгород.

После того как Ярослав объединил Русь, серьезную опасность для нее представляли лишь внешние враги. Больше всего неприятностей доставляли печенеги, регулярно тревожившие русских жителей своими набегами. Однажды им удалось собрать огромное войско и осадить Киев. На помощь Ярославу снова пришли варяги, составившие центр его войска. На левом фланге стояли новгородские воины, а на правом – киевские. Войско Ярослава одержало победу, которую Карамзин назвал счастливейшей для отечества, поскольку сокрушены были наиболее опасные враги русских земель. Печенеги были разгромлены, большая часть войска погибла на поле битвы, многие утонули во время беспорядочного отступления. На месте сражения Ярослав велел заложить церковь, раздвинув городские стены так, чтобы новый храм вошел в городскую черту. Появившиеся таким образом ворота были названы золотыми, а возведенная в честь победы церковь – Святой Софией.

Храм Святой Софии был построен греческими зодчими, приглашенными Ярославом. Впоследствии собор неоднократно перестраивался, сооружались разнообразные достройки. Тем не менее он до сих пор является образцом византийского искусства. Это единственное здание XI века, сохранившееся в относительно хорошем состоянии. Изначально храм представлял собой продолговатое каменное строение длиной около 36 м, шириной чуть более 70 м, высотой около 30 м, сложенное из довольно больших кирпичных плит. На трех сторонах здания располагались каменные хоры, поддерживаемые столбами с арками внизу и вверху на северной и южной сторонах. В храме был алтарь с двумя приделами (небольшими алтарями в пристройках). У здания было пять куполов, через которые в храм попадал свет; центральный купол был самым большим, а купола, расположенные над алтарем и хорами, – поменьше. Снаружи церковь окружала паперть, с которой на хоры вели две лестницы.

С собором Святой Софии связаны многие важные события политической, общественной и культурной жизни Руси. Здесь проходили церемонии «посажения» великого князя на престол, здесь великий князь принимал иностранных посланников, здесь же встречался с другими князьями. В соборе Софии располагалась первая на Руси библиотека, собранная при участии Ярослава. У Софийского собора собиралось киевское вече.

Три стены собора были расписаны портретами основателя собора князя Ярослава и его семьи. В центре этой композиции находилось изображение Иисуса Христа, по бокам от которого располагались изображения княгини Ольги и князя Владимира. С двух сторон от них располагались Ярослав, его супруга княгиня Ингигердта (в православии – Ирина), а также их дети. Первым к Иисусу шел Ярослав, неся в руках собор Святой Софии. До наших дней сохранились лишь фигуры детей Ярослава на южной и северной стенах. О других изображениях известно благодаря рисунку голландского живописца А. ван Вестерфельда, датированного серединой XVII века.

Очень много споров, особенно в последнее время, вызывают фрески в центральной, южной и северной сторонах центрального нефа церкви Святой Софии. Спор возник из-за того, что надвратная фреска, предположительно изображающая Иисуса, не была зарисована ван Вестерфельдом, хотя в остальных случаях художник очень точно фиксировал все картины и даже привязывал их к конкретным архитектурным формам. Фрески на северной и южной стенах он зарисовал одну под другой, не связав их в единую композицию. Поэтому возникла версия, что надвратной фрески изначально не существовало, на ее месте была мра-

морная плита, символизировавшая бесконечность и иррациональность веры. Тем более что эта плита лежала под ногами князя, который во время служб находился на западных хорах. Еще одним непонятным фактом является макет в руках у князя: маленькая пятикупольная церковь с открытой галереей на первом этаже. Это не София – тринадцатикупольная с двухэтажной галереей. Исследователи все чаще склоняются к тому, что это – модель Десятинной церкви, первого христианского храма общегосударственного значения. Таким образом, существует мнение (довольно-таки революционное), утверждающее: на фреске изображена семья не Ярослава, а Владимира. Тогда на северной стене мы видим Анну с дочерьми, а на южной – Владимира с сыновьями. В этом случае первым изображением Ярослава Мудрого является именно эта фреска. Там Ярослав представлен совсем юным¹, он шествует непосредственно за отцом и держит в руках свечу – неперменный атрибут церемонии освящения храма. Вслед за Ярославом идет княжич, отмеченный мантией – признаком царской власти. Из сыновей Владимира царским саном мог обладать Борис (Бурислейф), любимый сын Владимира (именно его прочили в преемники престола). Борис еще в детстве был удостоен царского венца и имел особые привилегии. Именно он командовал киевской дружиной, идя на непокорный Новгород, когда Ярослав – князь Новгорода – отказался платить дань.

По велению Ярослава его сын Владимир в 1045 году построил в Новгороде копию Софийского собора. Эта церковь также сохранилась до наших дней и является одной из главных достопримечательностей Великого Новгорода. Князь построил в Киеве несколько монастырей, в их числе монастыри Святого Георгия и Святой Ирины.

Кроме того, Ярослав большое внимание уделял церковным книгам. Он велел перевести на славянский язык большое количество греческих книг, сам прочитал многие из них, а некоторые даже собственноручно переписал. Отдельные книги были выставлены в церкви Святой Софии для всеобщего пользования. Правда, тогда мало кто из жителей Киева мог прочитать хотя бы одну из книг, поскольку грамотных людей почти не было.

Значительную часть средств, поступающих в казну, Ярослав выделял на содержание церковных служителей, причем не только в Киеве, но и в других городах. В обязанности иереев входило увеличение числа христиан за счет привлечения новых людей, приобщение русичей к церковным ценностям, нравственным началам и основам грамоты.

Заметным с исторической точки зрения событием времен правления Ярослава стала война с Византией. Впрочем, война эта носила весьма локальный характер. Еще во времена Владимира между Византией и Русью были установлены достаточно дружественные отношения. Русские воины сражались в византийском войске, страны вели оживленную торговлю. Эти отношения сохранились и при правлении Ярослава: русские купцы охотно торговали в Константинополе. Но однажды между русскими купцами и греками произошла ссора, в ходе которой был убит весьма высокопоставленный русский торговец. Ярослав потребовал от греческих послов извинений и выкупа за убитого, однако ему отказали. Тогда князь снарядил войско, во главе которого поставил воеводу Вышату и своего сына Владимира. Войско отправилось к Константинополю, жители которого хорошо помнили бедствия, учиненных русскими войсками. Навстречу войску были направлены послы императора Константина Мономаха.

Император напомнил сыну Ярослава о многолетней дружбе, которую не стоит нарушать из-за малозначительной ссоры купцов. Император обещал наказать виновных в убийстве русского купца, тем самым устранив причину конфликта. Но юный князь Владимир не внял уговорам и, как пишут византийские историки, отпустил послов с высокомерным ответом.

¹ На момент создания фрески Ярославу было около 30 лет.

Тогда византийский император взял в заложники находившихся в то время в Константинополе купцов и отправил их в отдаленные районы страны, а сам собрал флот и выехал навстречу русским. С берега византийскую флотилию прикрывала конница, чтобы не дать возможности войску Владимира и Вышаты высадить десант. Перед началом сражения император вторично предложил русским мир. Но гордый Владимир потребовал за это по три фунта золота каждому человеку из его войска. Естественно, греки предпочли сражаться. Константин направил в центр русского флота три галеры, которые подожгли корабли Владимира «греческим огнем» – зажигательной смесью, применявшейся византийцами в морских сражениях. Русские корабли начали отступать, и в это же время налетела буря, разметавшая весь флот Владимира и Вышаты. Затонуло и судно, на котором был сам князь, но один из воевод спас Владимира. На берег vyplыло не более шести тысяч русских воинов, которые решили с боями пробиваться на родину по суше. С ними отправился и Вышата. Часть флота все же уцелела, но по пути домой их попытался перехватить греческий флот, который был отправлен Константином для преследования. Состоялось еще одно сражение, в котором русским улыбнулась удача: они сумели взять много пленных, которых затем привезли в Киев, и убить греческого адмирала. А вот войско Вышаты было разгромлено греками в Болгарии, самого Вышату и 800 пленных доставили в Константинополь, где греческий император приказал их ослепить.

Эта война была последней войной русских войск с Византией. Позже Русь снова захлестнули междоусобицы, и удельным князьям стало уже не до дальних походов. Через несколько лет Ярослав заключил мир с Византией и ослепленные пленники смогли вернуться на родину.

К тому времени наш герой уже был влиятельным правителем, известным далеко за пределами своего государства. Он наладил хорошие связи с монархами европейских государств. В Польше тогда правил внук Болеслава Казимир. В молодости он вынужден был покинуть страну и стать монахом. Но когда на родине началась междоусобица из-за притязаний на престол, решено было призвать Казимира, чтобы он примирил враждующих. Папа Римский освободил его от обета, и Казимир был коронован. Первым делом польский монарх пожелал заручиться дружбой могущественного восточного соседа, для чего женился на сестре Ярослава, Марии. Перед бракосочетанием, состоявшимся в Кракове, Мария приняла католичество. В качестве приданого было отдано большое количество драгоценных сосудов и других украшений. Чтобы окончательно загладить все обиды минувших войн, Казимир вернул Ярославу находившихся в Польше русских военнопленных, которых захватил еще Болеслав во время войн со Святополком.

Три дочери Ярослава, Елизавета, Анна и Анастасия, также нашли себе мужей среди европейских монархов. Елизавета вышла замуж за норвежского принца Гарольда, который в молодости служил в войске Ярослава, но, считая себя недостойным руки дочери такого великого правителя, отправился искать славы, воевал с неверными в Африке и Палестине и со славой и богатством вернулся просить руки Елизаветы. Вскоре после женитьбы Гарольд стал королем Норвегии.

Наибольшую известность получил брак Анны Ярославны, которая вышла замуж за французского короля Генриха I. В то время по европейским меркам Франция была достаточно слабым и бедным государством, поэтому брак французского короля с дочерью правителя Руси считался весьма почетным для Франции. Генрих заслал в Киев посланника, епископа Шалонского. Было дано согласие, после чего Анна отправилась в Париж, где и стала женой Генриха I. После смерти супруга дочь Ярослава удалилась в монастырь, но спустя некоторое время вновь вышла замуж во Франции. Ее супругом стал граф де Крепи. Сын Генриха и Анны, Филипп, также стал французским королем. Его уважение к матери было

столь велико, что на подписываемых им государственных бумагах он ставил свою подпись лишь после того, как бумагу подписывала Анна.

Младшая дочь Ярослава, Анастасия, вышла замуж за венгерского короля Андрея. Вместе с ней в Венгрию переселилось немалое число ее соотечественников, образовавших там своеобразную диаспору.

Кроме дочерей, у Ярослава было шестеро сыновей, и их браки также способствовали укреплению позиций русского государства в Европе. Уже упоминавшегося Владимира многие историки называют мужем Гиды, дочери английского короля Гарольда II, который был побежден Вильгельмом Завоевателем и погиб во время Гастингского сражения. Его дети укрылись при дворе датского короля Свенона II, и уже он выдал замуж одну из дочерей Гарольда за Владимира. Правда, эта версия не стыкуется с общепринятыми в истории датами Гастингского сражения (1066) и смерти Владимира Ярославовича (1052).

Сын Владимира Изяслав был женат на сестре польского короля Казимира. Всеволод, третий сын Ярослава, был мужем некой греческой царевны. Впрочем, данные летописей относительно браков княжеских детей и здесь предоставляют обширные возможности для толкований, поскольку в то время не было известных современным историкам греческих царевен; все сестры Византийского императора Константина умерли еще в младенческом возрасте. Относительно женитьбы других сыновей Ярослава летописцы не оставили четких свидетельств, дав тем самым богатую почву для предположений. Так, из немецких летописей стало известно, что графиня Ода, дочь Леопольда из Штадта, и графиня Кунигунда из Орламинда были женами двух русских принцев, но обе рано овдовели и позже вернулись на родину. Вероятно, речь идет о сыновьях Ярослава, Вячеславе и Игоре соответственно. Эти два младших сына Ярослава умерли в достаточно юном возрасте. Ода вернулась на родину с сыном, известном в летописях как Борис Вячеславич, который, по всей видимости, также впоследствии возвратился на Русь.

Ярослав был гостеприимным правителем и часто принимал монархов, по тем или иным причинам изгнанных из своего отечества. Так, у него находили приют уже упоминавшийся норвежский принц Гарольд, а также норвежский король Олаф, лишенный на родине власти. Ярослав был даже готов предоставить Олафу область на Руси в качестве удела. Но норвежцу было во сне видение, из которого он сделал вывод, что сумеет победить своего обидчика Канута и вернуть утраченную власть. Олаф покинул Русь, оставив в Киеве, тем не менее, своего сына Магнуса, впоследствии также ставшего правителем. В Киеве нашли прибежище и дети английского короля Эдуарда, которые, как и Олаф, пострадали от варяга Канута.

Уладив внутренние распри и установив мирные отношения с соседями, Ярослав, как пишет Карамзин, «провел остаток жизни в тишине и христианском благочестии». Но думая о спасении души, Ярослав позаботился и о предотвращении чрезмерного греческого влияния на Русь. Одним из источников такого влияния была церковь; после принятия и повсеместного распространения православия – греческой веры – на Русь зачастили греческие пасторы.

В то время в православной церкви было четыре патриархии, а именно александрийская, иерусалимская, антиохийская и константинопольская. Главенствующую роль среди них играла константинопольская патриархия, что определялось мощью Византийского государства и его влиянием на соседние страны и территории. Константинопольская патриархия подразделялась на 60 митрополий. Киевская митрополия, основанная в самом конце X века, входила в это число. По традиции, митрополитов назначал константинопольский патриарх. Но в отличие от остальных митрополий, киевская располагалась на территории самостоятельного государства. В этом государстве проживал народ, обладавший своим языком и культурой. Фактически киевская митрополия являлась государственной и национальной религиозной организацией. И тот факт, что глава этой организации назначался извне, а именно из

греческого Константинополя, вызывал, по меньшей мере, обеспокоенность Ярослава. Возможно, таким образом греки пытались закрепить свое положение, в том числе и влияние на политику Руси. Ярослав сам назначил руководителя новгородской епархии, определив на этот пост Луку Жидяту (его прозвище, по мнению историков, связано с русским производным от имени Георгий – Жидослав), учитывая его русское происхождение, тем более, что в тот момент Ярославу было выгодно иметь на посту епископа не грека, а соотечественника.

Расскажем несколько подробнее об этом человеке и его предшественниках. Вероятно, именно при нем новгородские книжники составили одну из древнейших летописных заметок. Она гласила: «Аким из Корсуня был епископом 42 года, и его учеником был Ефрем, который в свою очередь учил нас». Аким был епископом новгородским во времена княжения там Ярослава, а после его смерти в 1030 году его должность занял его ученик Ефрем, который, впрочем, не имел епископского сана. Епископ Лука Жидята сам был литератором, автором «Поучения к братии». Это произведение включено в текст новгородской летописи.

Первым киевским митрополитом был грек Феопемет, который в 1039 году освятил перестроенную Ярославом Десятинную церковь. В 1051 году в Киеве был созван совет епископов, на котором назначили первого киевского митрополита русского происхождения – Иллариона, будущего автора «Слова про закон и благодать». Относительно этого решения до сих пор ведутся жаркие дискуссии среди историков. Как правило, его объясняют желанием вывести Киевскую Русь из-под влияния Византии, ссылаясь на поход княжеских дружин в Константинополь (1043 г.). Существует и противоположная версия, согласно которой митрополита назначили не для того, чтобы противиться влиянию союзного государства, а чтоб «обновить» и «омолодить» состав высшего духовенства, представленного в основном монахами из Византии. И это назначение было осуществлено без всякого участия греческих церковников. На выборе первого митрополита сказалось то, что Ярослав часто бывал в загородном дворце, расположенном недалеко от церкви Святых апостолов, где и служил Илларион.

Уже на закате жизни Ярослав созвал своих детей, чтобы отеческим внушением попытаться предотвратить возможные после его смерти раздоры. Старшего из живых на тот момент сыновей Изяслава Ярослав назначил своим наследником на киевском престоле. Святославу в качестве удела был определен Чернигов, Всеволоду – Переяславль, Вячеславу – Смоленск, а Игорю – Волынь. Всем младшим братьям было велено подчиняться старшему, Изяславу, и не предпринимать против него никаких действий, которые могли причинить вред русскому государству. Однако дети Ярослава не послушались отцовского наказа, и после его кончины междоусобные распри разгорелись с новой силой.

Ярослав скончался в Вышгороде в 1054 году. В момент смерти рядом с отцом находился его любимый сын Всеволод. Он затем возглавил траурное шествие из Вышгорода в Киев, доставившее покойного в Софийский собор. Там тело Ярослава было заключено в мраморную раку и погребено. В надписи на стене Святой Софии над саркофагом Ярослава великий князь упоминается как «цесарь» (в переводе с византийского «царь»). Илларион, говоря о Ярославе, употреблял титул «русский каган».

Спорным вопросом остается возраст Ярослава. Исчисление его возраста, как правило, очень противоречиво из-за тенденциозности источников в этом вопросе. Согласно «Повести временных лет», князь «живе же всех лет 70 и 6», т. е. умер в 76 лет. Указание на 76-летний возраст подчеркивало его старшинство в роду Владимировичей. На основании анализа останков князя, найденных в саркофаге Святой Софии, можно делать вывод о том, что скелет принадлежал мужчине 60–70 лет. Это подтверждает летописное «известие» 1016 года и «Пролог» XIII–XIV веков – там говорится, что Ярослав прожил 66 лет.

После находки скелета и черепа Ярослава Мудрого ученые многократно пытались воссоздать внешний вид великого князя. Досконально сделать это невозможно – многие говорят даже, что скелет в мраморном гробу Софиевского собора принадлежал женщине, а череп

– мужчине. Всеми принятой является реконструкция головы Ярослава, сейчас выставленная в Софиевском соборе. Но на двугривенной купюре старого образца князь изображен с «казацкими» усами и без бороды, что не соответствует исторической правде: в Киевской Руси бороды не брили.

Летописи единогласно дают правлению Ярослава самую высокую оценку, называя его мудрым правителем. Это определение закрепилось за ним как его прозвище. Ярославу удалось восстановить существовавшие ранее границы русского государства, используя при этом не силу оружия, а дипломатию и успешное устройство браков своих детей. Однако, когда было нужно, князь применял и силу для защиты интересов государства, как это было в случае с убийством русского купца в Константинополе. Ярослав был в большом почете у новгородских граждан. Он даровал им особую льготную грамоту, позволявшую долгое время сохранять самоуправление и относительную независимость от русских правителей.

Первое упоминание о Ярославовых грамотах встречается в летописях, датируемых 1228 годом. Тогда Русь пребывала в глубоком кризисе, который не миновал и Новгорода. То время характеризуется чередой стихийных бедствий, народных бунтов и острых политических конфликтов. В этих конфликтах участвовали и новгородские князья. Не могла остаться в стороне и княжеская власть. Согласно летописям, местная знать требовала от новгородских князей соблюдения Ярославовых грамот. К примеру, князь Ярослав Всеволодович, который сначала согласился следовать грамотам и уважать дарованные ими вольности, а позже пытался нарушить свое слово, лишился власти в Новгороде. Следующий князь, призванный новгородцами, Михаил Черниговский, проявил большее уважение к правам новгородцев и при вступлении на княжеский престол целовал не только крест, но и Ярославовы грамоты. Однако вскоре новгородцы выгнали и его, вернув прежнего князя, который снова присягал на грамотах. Целовал эти грамоты спустя сотню лет и Иван Калита, великий князь московский.

По велению Ярослава в Новгороде была организована школа для боярских детей, которую посещали до 300 учеников, которые обучались грамоте и другим наукам, необходимым для чиновников и людей церковного звания. Во время правления Ярослава Новгороду удалось распространить свое влияние на весьма удаленные территории; так, дань новгородцам платили и пермские народы. Если посмотреть на карту, становится понятно, что для покорения далекого пермского края необходимо было вначале добиться подчинения от населения более приближенных мест.

Историки особо отмечают религиозное усердие Ярослава. Так, он приказал перезахоронить останки своих дядьев, братьев Владимира, Олега и Ярополка, которые умерли некрещеными. Перед повторным захоронением их кости крестили, и новым местом упокоения стала киевская церковь Святой Богородицы.

Во время правления Ярослава Мудрого впервые появилась четкая государственная идеология, разработанная князем и высшим духовенством. Так, канонизация Владимира демонстрировала «богоугодность» распространения христианства в Киевской Руси. Владимир просветил Русь крещением, а Ярослав продолжил дело отца. Этот культ был направлен на создание и развитие династической идеи, привычки преемственности власти, а также призывал государственную элиту принять участие в просвещении. А канонизированные Борис и Глеб превратились в образец покорности, оправдав тем самым восстание Ярослава (по официальной версии, он воспротивился тирании старшего брата и отомстил за младших). Культа Ольги не существовало до XIII века: во времена Ярослава ее считали лишь предвестницей новой веры. Роль равноапостольной крестительницы Руси принадлежала Анне – жене Владимира. Ольгу впервые называют «соратницей Владимира» в XV веке (самый поздний из списков «Слова» Иллариона).

Ярослав хотел превратить Киев в красивейший город мира, мечтая о том, чтобы его называли вторым Царьградом. Прибывшие в Россию по его приглашению греческие худож-

ники расписывали возводимые храмы. Также они создали мусию – изображение святых на полу, составленное из разноцветных четырехугольных камешков. Помимо украшения храмов Ярослав заботился и об услаждении слуха приходящих туда верующих. Он призвал на Русь греческих певцов, которые обучили русских священнослужителей искусству церковного пения. При Ярославе на Руси печатались собственные серебряные монеты, на которых был изображен воин и выбит текст «Ярославе сребло».

Наиболее же значительным памятником Ярославу и его княжению является составленный во время его правления и под его началом уже упоминавшийся сборник законов, известный в истории как «Русская правда». Законы на Руси были и раньше, но Ярослав издал первый письменный сборник законов и установлений. При составлении его он пересмотрел и отменил многие из ранее принятых законов, а также добавил ряд новых. Некоторые украинские и польские историки приводят намного более позднюю дату создания «Русской правды» – XIII–XIV век, хотя соглашаются, что основные нормы права действительно возникли в X–XI веках, в период между крещением Руси и смертью Ярослава.

«Русская правда» дошла до наших дней в списках, самые ранние из которых относятся к XV веку. В соответствии с традиционной русской историографией, эти тексты разделяют на три редакции «Русской правды»: «Краткую», «Пространную» и «Сокращенную».

Древнейшим списком является «Краткая правда», датируемая серединой XI века. Ее, в свою очередь, принято подразделять на «Правду Ярослава Мудрого» и «Правду Ярославичей», или детей Ярослава. Первые 17 статей «Правды Ярослава», сохранившиеся в двух списках XV века, содержат первые 10 записанных норм, «якоже Ярослав судил». Эти нормы называют «Древнейшей правдой» («Правдой Роськой»). Стоит отметить, что разделение на статьи было сделано в современных редакциях исследователями, в исходных текстах законов статей не было. Текст «Древнейшей правды» стал основой всей «Правды Ярослава» – кодекса норм права.

Правдой Ярославичей называют статьи 19–41 в тексте «Краткой правды». Эта часть кодекса была составлена во второй половине XI века и до конца столетия постоянно пополнялась. К ним относят статьи о штрафах в пользу князя за убийство свободных людей и нормах прокорма сборщиков таких платежей), и правила для тех, кто мостит проезжую часть в городах.

«Пространная правда» – вторая редакция «Русской правды», созданная в 20–30 годы XII века. Самый ранний из списков «Пространной правды» – Синодальный список – был составлен в Новгороде около 1282 года. Он представлял собой собрание византийских и славянских законов, объединявшим текст «Краткой правды» с нормами княжеского законодательства Святополка Изяславича, правившего Киевом с 1093 по 1113 годы. По объему «Пространная правда» почти в пять раз больше Краткой. Статьи 1–52 «Пространной правды» именуются как «Суд Ярослава», статьи 53–121 – как «Устав Владимира Мономаха». Законы «Пространной правды» действовали на Руси до начала татаро-монгольского ига и в первый его период.

«Сокращенная правда», или третья редакция «Русской правды», возникла в XV веке. Считается, что эта редакция появилась в результате сокращения текста «Пространной правды», была составлена в Пермской земле и стала известной после присоединения Перми к Московскому княжеству. По другой версии, в основе текста «Сокращенной правды» лежит более ранний и неизвестный памятник второй половины XII века.

С начала XIV века «Русская правда» постепенно теряла свое значение. Смысл многих из используемых в ней терминов становился непонятен переписчикам. Это приводило к постоянным искажениям текста. С начала XV века «Русскую правду» уже не включали в сборники законов. Однако в то же время ее текст стали вписывать в летописи – так «Русская правда» стала частью истории.

Главной целью Ярославовых законов, говоря современным языком, была защита прав личности и собственности. Самым страшным преступлением считалось убийство. За него убийце полагалась смерть, причем право мести имели в первую очередь родственники жертвы. В случае отсутствия мстителей убийца должен был заплатить штраф в казну, причем штраф за убийство знатного человека составлял так называемую двойную виру, или 80 гривен, за убийство неблагородного, но свободного человека полагался штраф в одну виру, а за убийство женщины – в полвиры. Раба же можно было убить без уплаты штрафа – требовалось лишь возместить его владельцу стоимость убитого, которая также была прописана в законах и колебалась в зависимости от профессии раба.

Правило брать денежную пеню за убийство было заимствовано у германских и скандинавских народов. Оно преследовало, с одной стороны, цель уменьшить число убийств, сделать убийство весьма опасным делом. Идея взимания штрафа вместо смертной казни позволяла впоследствии использовать убийц как воинов.

Особая статья закона регулировала убийства, совершенные в состоянии ссоры или опьянения. В таких случаях штраф должна была платить, помимо убийцы, община, на территории которой было совершено преступление. Закон, таким образом, побуждал людей быть миротворцами и стараться вовремя успокаивать ссорящихся – чтобы не пришлось расплачиваться за смертоносные последствия разгоревшейся и вовремя не потушенной ссоры. Если же убийство было совершено без ссоры, то перед законом должен был отвечать не только виновник преступления, но и его ближайшие родственники: жена и дети.

«Русская правда» регулировала и другие преступления против личности. За удар человека мечом, не вынутым из ножен, или другим неострым предметом (в законе упоминаются, в частности, чаша, стакан и трость) полагался штраф в 12 гривен. За удар палкой и жердью – 3 гривны, столько же – за каждую нанесенную рану, и кроме того, гривну полагалось уплатить за лечение пострадавшего. По такому закону, удар необнаженным мечом карался куда серьезнее, чем рана, нанесенная мечом, вынутым из ножен. По всей видимости, смысл этого заключался в следующем: когда нападающий обнажал меч, его противник должен был это увидеть и, следовательно, имел возможность подготовиться к защите. Удар же мечом, не вынутым из ножен, как и любым подручным предметом, мог быть нанесен внезапно и поэтому таил в себе гораздо большую опасность.

Законы устанавливали суммы штрафа за повреждение различных частей тела: ног, рук, пальцев, глаз и других. Дороже всего ценились руки, ноги, глаза и нос – за их повреждение полагался штраф в 20 гривен. Сейчас кажется довольно странным, что клочок, выданный из бороды, ценился в четыре раза дороже, чем отрубленный палец (соответственно 12 и 3 гривны), но следует помнить, что в то время борода являлась непременным атрибутом любого взрослого мужчины.

Также были установлены высокие штрафы за самовольную расправу с виновными в каком-либо преступлении: возмездие должно было осуществляться только после судебного разбирательства. Владелец холопов, или рабов, нес ответственность за преступления, совершенные его людьми, и был обязан выдать их при наличии подозрения, а при отказе – заплатить штраф.

Законы Ярослава регулировали и порядок свидетельства на судебных разбирательствах. Так, если жертва драки приходила на суд со следами ран, то этого было достаточно для признания обидчика виновным. Если раны успевали зажить, то необходимы были показания свидетелей. Если же раны не вызвали сомнений, но свидетели утверждали, что пострадавший сам начал драку, его обидчик освобождался от ответственности.

Значительный раздел законов Ярослава был посвящен охране собственности и гражданских прав жителей Руси. Так, пойманного ночного вора, или татя, можно было убить на месте. Однако если вор был схвачен и связан, то его нужно было доставить на суд, а за

убийство беззащитного грабителя полагался штраф. Наиболее опасным делом была кража лошадей. За это можно было поплатиться не только штрафом, но и всей собственностью, а также личной свободой. Устанавливались размеры штрафов за различное украденное имущество: зерно, скот, домашнюю утварь. Суровым штрафом каралось убийство чужого скота или лошади.

Пристально охранялись межевые, или бортные, знаки, разделявшие земельные участки. Таким образом демонстрировалось уважение к символам, защищаемым государством. Наказывалось также разграбление чужих участков, пасек и пастбищ, ловля чужих птиц и охота в чужих лесах.

Во времена Ярослава весьма интересным был порядок ведения судебных дел, в частности порядок дачи свидетельских показаний. О наличии ран как о свидетельстве вины обидчика мы уже упоминали. Еще одним интересным положением было такое: если человек отдавал свое имущество на хранение, а вещи пропадали, то хранитель мог поклясться, что не брал их. Этого было достаточно для отклонения всех претензий владельца вещей. То есть предполагалось, что они могли быть отданы на хранение лишь людям уважаемым и честным, которые ложную клятву давать не будут.

Довольно странным для нынешних судебных порядков является преимущество в правах, которое имели иностранцы перед коренными жителями Руси. Чтобы подтвердить свою правоту, русский должен был предоставить не менее семерых свидетелей; от варяга же требовалось только двое свидетелей в его пользу. Чтобы осудить варяга или другого чужестранца, тоже нужно было не менее семи свидетелей, в то время как местные жители могли быть осуждены на основании показаний лишь двоих. Причиной такого неравноправия, по-видимому, было то, что русские князья весьма часто призывали на помощь варягов, в частности для разрешения внутренних конфликтов. Поэтому требовалось создать защитникам наиболее благоприятные условия, в том числе и в судах.

Особые требования предъявлялись к личности свидетелей на судах. Ими непременно должны были быть свободные граждане, и лишь в исключительных случаях можно было прибегнуть к показаниям закабаленных слуг. Однако ответчик мог воспользоваться показаниями раба и требовать, чтобы истец в подтверждение своей правоты прошел испытание железом. Также распространено было испытание водой, которое применялось в некоторых оговоренных законом случаях. Под такими испытаниями понималась довольно жестокая и кажущаяся лишенной всякого смысла процедура. Испытуемый должен был некоторое время удерживать в руке кусок раскаленного железа или же достать кольцо из котла с кипящей водой. После этого его рука перевязывалась судьями, и на повязку ставилась печать. Спустя три дня рану развязывали. Если на месте раны не оставалось язвы от ожога, считалось, что испытуемый говорит правду. Эта процедура давала богатые возможности для различных злоупотреблений. Несмотря на то что испытания обычно проводились при значительном стечении публики, существовали способы схитрить, которыми весьма часто пользовались пристрастные суды.

Законы Ярослава определяли порядок решения споров о наследстве. В случае, если человек умирал, не оставив завещания, все его имущество надлежало разделить между его детьми, причем дом должен был достаться младшему сыну как наименее опытному в жизни. Если же детей у умершего не было, его имущество переходило государству. Вдова умершего могла претендовать лишь на ту часть имущества мужа, которую он ей завещал, из прочего она не получала ничего и в дальнейшем лишалась всяких прав, связанных с умершим мужем. А если вдова, получив наследство от мужа, вновь выходила замуж, она была обязана вернуть имущество мужа его детям.

Судьей в государстве был сам князь, и суды должны были проходить на княжьем дворе. Однако ввиду обилия судебных споров князь передоверял свое право выносить решения по

делам особым чиновникам – вирникам. В Новгороде же существовал прообраз современного суда присяжных: 12 граждан обсуждали все обстоятельства дела и выносили решение о виновности, а судья должен был лишь назначить наказание и штраф.

Многие преступления, которые регулировались другими древними сборниками законов, в «Русской правде» не упоминаются вовсе. Так, ничего не говорится об отравлении и о насилии над женщинами, возможно потому, что было слишком трудно доказать, что такие преступления имели место. Также в законах не упоминается о телесных наказаниях, поскольку они были чужды свободным жителям Руси.

Следует заметить, что многие историки, в частности Ключевский, Калачев, Бестужев-Рюмин, небезосновательно полагали, что «Русская правда» представляла собой сборник ходивших тогда законов и обычаев, составленный кем-то из грамотных граждан Руси, а не Ярославом. Как видно из самого текста, «Русская правда» составлялась не только во время Ярослава, но и значительно позже, в том числе и в течение XII века. Помимо «Русской правды», при Ярославе на Руси появился церковный устав, известный также под названием «Кормчая книга». Он представлял собой перевод византийского Номоканона². В «Кормчей книге», усовершенствованной и дополненной при участии Иллариона, впервые разграничены понятия «грех» и «преступление». Согласно «Кормчей книге», всякое преступление есть грех, но не каждый грех есть преступление. В законодательстве Западной Европы еще 600 лет происходила путаница этих двух понятий, что привело к «преступности» любого несогласия с догмами.

Вместе со смертью Ярослава Древняя Русь утратила свое могущество и благополучие. Причиной этого стала междоусобица, порожденная разделом территорий между его сыновьями. В свое время Ярославу (как и ранее – его отцу Владимиру) удалось совладать со своими многочисленными братьями и стать всеми признанным великим князем. Но вот среди детей Ярослава не нашлось такого сильного и удачливого лидера.

Около десяти лет сыновья Ярослава прожили в мире. Затем между ними вспыхнули раздор и вражда. Никто из потомков великого князя не смог принять «власть русскую всю», как сказано в летописи. Причиной этого стало непрерывное продолжение рода Ярослава, увеличение числа претендентов на власть и надель. Русская земля делилась и перекраивалась многочисленными внуками и правнуками Ярослава Мудрого.

Изначально Ярослав разделил русскую землю по такому принципу: самый старший сын получал более доходный удел. Однако дальнейшее наследование было предусмотрено князем лишь для трех старших братьев, остальные же его сыновья отодвигались на второй план, имея такие же права, как и племянники – дети старших братьев. В этом порядке наследования и была заложена причина дальнейших русских бедствий.

В 1057 году умер Вячеслав, четвертый по старшинству наследник Ярослава, княживший в Смоленске. Он оставил после себя сына. Старшие братья решили перевести в Смоленск Игоря – младшего брата, княжившего на Волыни. Его место занял племянник Ярослава Ростислав, до того правивший в Тмутаракани. Спустя три года Игорь умер, также оставив после себя сыновей. Но старшие братья не отдали власть в Смоленске ни сыновьям Игоря, ни Ростиславу. Обделенный племянник Ярослава решил взять свое силой и принялся собирать войско для отстаивания своих притязаний на Смоленск. Тем не менее, тогда это не привело к открытому конфликту.

В 1073 году возник спор уже между старшими братьями, прямыми наследниками Ярослава. Святослав и Всеволод решили объединиться против великого князя Изяслава и отобрали у него власть в Киеве. Великим князем стал старший из двоих братьев Святослав, а на его трон в Чернигов переехал Всеволод из Переяславля. Но через три года Святослав умер.

² Номоканон – сборник церковных правил.

У него остались сыновья, но великокняжеский трон достался не им, а Всеволоду. Вскоре о своих законных претензиях на престол вновь заявил Изяслав. Для пущей убедительности он подтвердил свои права, приведя под стены Киева войско, набранное им в Польше. Всеволод уступил ему Киев без сопротивления и вернулся в Чернигов. Вскоре Святослав погиб, пытаясь усмирить постоянно бунтующих и требующих власти племянников. Всеволод снова переехал в Киев и опять стал великим князем. Наконец в 1093 году умер Всеволод. После этого началась борьба за власть среди второго поколения Ярославичей. Первым из них киевский престол занял старший сын старшего из сыновей Ярослава, Святослав Изяславич.

Как видно из описанной истории смены власти в Киеве и удельных княжествах, правление князя в столице и других городах не является постоянным и, кроме того, князь не вправе завещать свою власть сыновьям. После смерти какого-либо из столичных или удельных правителей происходила ротация следующих по старшинству наследников: каждый из них перемещался в более высокий по рангу удел. Фактически, так была реализована идея о нераздельности княжеского владения Русью. Ею владели все Ярославичи совместно, т. е. изначально было определено, что они не делят между собой русские земли, а перераспределяют их, чередуясь по старшинству в случае смерти кого-то из них. Соотношение между князьями и уделами, или волостями, определялось старшинством. Это соотношение постоянно колебалось и изменялось. Все князья составляли единую генеалогическую лестницу по степени старшинства, как и вся русская земля была условно представлена в виде иерархии областей, упорядоченной по степени их доходности. Князь, находившийся на вершине лестницы, то есть старший на данный момент времени, занимал Киев и носил титул великого князя. Помимо почета и доходов, получаемых от столицы, великий князь обладал некоторой властью над всеми остальными. Порой ему принадлежало право решения споров, возникающих между остальными князьями, в том числе и споров о праве на очередной удел. Но в особых случаях великий князь не должен был принимать решение единолично, ему полагалось консультироваться с братьями, созывая их на совет. На великого князя возлагалась также обязанность следить за выполнением решений такого совета.

Причины такого порядка смены власти историки видят в следующем. Во-первых, он обуславливается присущим населявшим Русь восточным славянам родовым порядком отношений. Во-вторых, и эта причина является одной из важнейших, русские князья были по происхождению варягами. И хотя с момента прихода чужеземных правителей миновало уже несколько поколений, князья продолжали рассматривать себя не хозяевами страны, точнее, некоторой ее области, а скорее, наемными управляющими, которые должны подчиняться определенным цеховым правилам.

Однако лишь при небольшом числе претендентов на власть порядок чередования князей был понятным и работал без перебоев. Когда же появилось много князей разных поколений, большинство из которых уже не знали Ярослава и смутно представляли себе порядки наследования, ситуация перестала быть столь однозначной. К тому же среди многочисленных потомков Ярослава в результате нескольких внутриродовых браков появилось перекрестное родство.

Князья попытались устранить возникающие противоречия, принимая дополнения к порядку наследования по мере появления новых спорных случаев. Однако поскольку такие решения были ситуативны и неизбежно приводили к ущемлению интересов кого-то из князей, они не принимались в качестве непреложной истины. Ведь при составлении схемы наследования Ярослав и его дети не могли предполагать, что вскоре их род фактически распадется на несколько параллельных ветвей и многочисленным потомкам будет весьма нелегко определить, кто из них кому приходится дядей, а кто племянником, и какой степени их родство.

Через сотню лет после смерти Ярослава число князей – его потомков – возросло настолько, что каждая смена власти в каком-либо из уделов рождала споры о старшинстве и очереди владения. Чаще всего конфликт возникал между младшим дядей и старшим племянником (в те времена довольно часто бывало, что старший брат успевал родить своих детей, прежде чем рождался его младший брат).

Способов разрешения этих конфликтов было два. Либо порядок старшинства родственников определялся на княжьем совете, либо решался в ходе Божьего суда. Под последним понималась самая обыкновенная война или же выяснение отношений между претендентами силой оружия. Причем по значимости оба эти способа были практически равноправны и имели примерно равные юридические последствия; победа в военном конфликте за право наследования обычно признавалась остальными князьями, и в общей иерархии производились соответствующие изменения. Такой военный конфликт носил название «усобица».

Подобная система разделения власти между князьями не могла не привести к расколу единого государства. Поначалу княжеский род Ярославичей раскололся на две противоборствующих ветви: Мономаховичей и Святославичей. Затем первая линия разделилась еще на три: Изяславичей, правивших на Волыни, Ростиславичей, сохранивших за собой власть на Смоленщине, и Юрьевичей из Суздаля. Святославичи же распались на Давидовичей черниговских и Ольговичей из Новгород-Северска. Указание рядом с названием ветви места их правления является свидетельством того, что с дальнейшим дроблением рода тенденции к отказу от непрерывной смены уделов стали нормой и князья постепенно переходят к постоянному правлению в некоторой области.

Новая система смен власти была узаконена в 1097 году на съезде князей в городе Любече. Новое правило наследования было определено так: «Каждый да держит отчину свою». Под отчиной понималось место, или территория, которой правил отец князя. Таким образом, внуки Ярослава должны были владеть тем, чем владели их отцы.

Следствием этого и стал распад единого государства, влияние великого князя фактически перестало распространяться на части Руси, где правили князья не из его ветви. Князья в уделах перестали платить дань великому князю. Естественно, такое раздробление делало мелкие государства весьма уязвимыми перед лицом внешней агрессии. К еще большему ослаблению приводили постоянные стычки и конфликты между соседними областями. Следствием такой раздробленности стала последовавшая вскоре утрата самостоятельности русского государства, точнее, русских государств под ударами кочевников с Востока...

Существуют два исторических мифа, прочно закрепившихся за Ярославом. Первый из них – о разделении Руси. Считается, что Русь была разделена на уделы между сыновьями Ярослава, которые начали распрю за Киевский престол. Но это не совсем верно. Завещание Ярослава не содержало приказа разделить Киевскую Русь. Он предложил закон о переходе власти: престол наследуется старшим сыном, затем – всеми братьями по возрастной очередности, после них – их старшими сыновьями и т. д. («Вот я отхожу от сего света, дети мои. Любите друг друга, ибо вы братья родные, от одного отца и одной матери. Если будете жить в любви между собой, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире. Если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим»). Этот закон основывался на старинном родовом порядке, вернее, на его идеальной версии. В реальности братья как можно скорее разделялись – эти неизбежные семейные склоки перенеслись на государственный уровень.

Вторым мифом считается приписываемая Ярославу любовь к деньгам. Сторонники этой версии трактуют реформы Ярослава следующим образом: Ярослав превратил уголовный кодекс в средство наживы и наполнения казны. «Русскую правду» недолго любили рос-

сийские исследователи, называя безнравственным порядок, где поджог и конокрадство наказываются более тяжкой карой, чем даже убийство. Для эпохи Ярослава – становления основ «денежных» отношений и торговли – то, что человек сам заработал, вырастил или построил, становилось долгосрочным, в отличие от короткой жизни. Тогда самым тяжелым, с точки зрения повседневной жизни, преступлением были драка или оскорбление, а наибольшей ценностью – честь. Даже наказания в «Русской правде» не должны были унижать человеческое достоинство и терзать тело человека. Самой страшной карой считались конфискация имущества или продажа в рабство.

Существуют и некоторые околоисторические курьезы, связанные с именем Ярослава. Так, в 2000 году в России вышла книга «Русь и Рим», автор которой, «пересчитав» данные «Амальгеста» Птолемея, предложил «омолодить» историю на тысячу лет. Он утверждал, что Ярослав Мудрый, атаман Батя, хан Батый и Иван Калита – один и тот же человек. Далее говорилось, что монгольского ига не было, а существовала общая русско-монгольская орда, которая держала в страхе всю Европу. Этот «исторический труд» пытался доказать, что русские «никогда не были рабами».

Желая подчеркнуть значимость Ярослава как исторической личности, в 1995 году президент Украины ввел новую государственную награду – Орден князя Ярослава Мудрого. Девиз этой награды: «Мудрость, честь, слава». Орден имеет пять степеней и вручается за заслуги в сферах государственного развития, укрепления государственного авторитета Украины, развитие экономики, науки, образования, за гуманистическую общественную деятельность. Возможно, такая трактовка упрощена, но она подчеркивает вклад Ярослава Мудрого в историю Украины. Ведь хороший правитель – не тот, что строит идеальное государство, расширяет территорию, увеличивает казну, а тот, кто создает строй, максимально близкий современникам.

В год 950-летия со дня смерти князя Синод Украинской православной церкви предоставил документальные подтверждения существования культа Ярослава Мудрого в Киевской Руси. Основываясь на этих документах, Синод занес Ярослава в святки УПЦ, назначив днем празднования 4 марта (20 февраля по старому стилю) – день смерти князя. Святой князь Ярослав Мудрый считается покровителем государственных деятелей и ученых.

«Русская правда» в краткой редакции

1. Убьет муж мужа, то мстит брат за брата, или сын за отца, или сын брата, или сын сестры; если не будет никто мстить, то 40 гривен за убитого.

Если убитый – русин, или гридин, или купец, или ябедник, или мечник, или же изгой, или из Словении, то 40 гривен уплатить за него.

2. Если кто будет избит до крови или до синяков, то ему не надо искать свидетеля, если же не будет на нем никаких следов (побоев), то пусть приведет свидетеля, а если он не может (привести свидетеля), то делу конец. Если (потерпевший) не может отомстить за себя, то пусть возьмет с виновного за обиду 3 гривны и плату лекарю.

3. Если кто кого-либо ударит палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия, платить 12 гривен. Если потерпевший не настигнет того (обидчика), то платить, и этим дело кончается.

4. Если ударить мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча, то 12 гривен за обиду.

5. Если же ударит по руке и отпадет рука или отсохнет, то 40 гривен, а если ударит по ноге, а нога останется цела, но начнет хромать, тогда мстят дети (потерпевшего).

6. Если кто отсечет какой-либо палец, то платит 3 гривны за обиду.

7. А за усы 12 гривен, за бороду 12 гривен.

8. Если кто вынет меч, а не ударит, то тот платит гривну.
9. Если пихнет муж мужа от себя или к себе – 3 гривны, – если на суд приведет двух свидетелей. А если это будет варяг или колбяг, то ведет к присяге.
10. Если холоп бежит и скроется у варяга или у колбяга, а они его в течение трех дней не выведут, а обнаружат на третий день, то господину отобрать своего холопа, а 3 гривны за обиду.
11. Если кто поедет на чужом коне без спросу, то уплатить 3 гривны.
12. Если кто возьмет чужого коня, оружие или одежду, а владелец опознает пропавшего в своей общине, то ему взять свое, а 3 гривны – за обиду.
13. Если кто опознает у кого-либо свою пропавшую вещь, то ее не берет; не говори ему – это мое, но скажи ему так: пойди на свод, где ты ее взял. Если тот не пойдет, то пусть (представит) поручителя в течение 5 дней.
14. Если кто будет взыскивать с другого деньги, а тот станет отказываться, то идти ему на суд 12 человек. И если он, обманывая, не отдавал, то истцу можно взять свои деньги, а за обиду – 3 гривны.
15. Если кто, опознав холопа, захочет его взять, то господину холопа вести к тому, у кого холоп был куплен, а тот пусть ведет к другому продавцу, и когда дойдет до третьего, то скажи третьему: отдай мне своего холопа, а ты ищи своих денег при свидетеле.
16. Если холоп ударит свободного мужа и убежит в хоромы своего господина и тот начнет его не выдавать, то холопа взять, и господин платит за него 12 гривен, а затем, где холопа застанет тот ударенный человек, пусть бьет его.
17. А если кто сломает копье, щит или испортит одежду и испортивший захочет удерживать у себя, то взять с него деньгами; а если тот, кто испортил, начнет настаивать (на возвращении испорченной вещи), платить деньгами, сколько стоит вещь³.
18. Если убьют огнищанина умышленно, то убийце платить за него 80 гривен, а люди не платят; а за княжеского подъездного 80 гривен.
19. А если убьют огнищанина по-разбойничьи, а убийцу люди не ищут, то виру платит та вервь, где найден убитый.
20. Если убьют огнищанина у клетки, у коня, или у стада, или во время кражи коровы, то убить его, как пса; тот же закон и для тиуна.
21. А за княжеского тиуна 80 гривен, а за старшего конюха при стаде также 80 гривен, как постановил Изяслав, когда дорогобужцы убили его конюха.
22. За княжеского сельского старосту или за полевого старосту платить 12 гривен, а за княжеского рядовича 5 гривен.
23. А за убитого смерда или холопа 5 гривен.
24. Если убита рабыня-кормилица или кормилец, то 12 гривен.
25. А за княжеского коня, если тот с пятном, 3 гривны, а за коня смерда 2 гривны.
26. За кобылу 60 резан, за вола гривну, за корову 40 резан, за трехлетнюю корову 15 кун, за годовалую полгривны, за теленка 5 резан, за ягненка ногата, за барана ногата.
27. А если уведет чужого раба или рабыню, то он платит за обиду 12 гривен.
28. Если придет муж в крови или в синяках, то ему не надо искать свидетеля.
29. А кто украдет коня или вола, или обкрадет клеть, если он был один, то он платит гривну и 30 резан; если же их было и 10, то каждый из них платит по 3 гривны и по 30 резан.
30. А за княжескую борть 3 гривны, если выжгут или разломают.
31. За истязание смерда, без княжеского повеления, за обиду 3 гривны.
32. А за огнищанина, тиуна или мечника 12 гривен.

³ «Правда», уставленная для Русской земли, когда собрались князья Изяслав, Всеволод, Святослав и мужи их Коснячко, Перенег, Никифор Киевлянин, Чудин, Микула.

33. А кто распашет полевою межу или испортит межевой знак, то за обиду 12 гривен.
34. А кто украдет ладью, то за ладью платить 30 резан (владельцу) и 60 резан продажи.
35. А за голубя и курицу 9 кун.
36. А за утку, гуся, журавля и за лебедя платить 30 резан, а 60 резан продажи.
37. А если украдут чужого пса, или ястреба, или сокола, то за обиду 3 гривны.
38. Если убьют вора на своем дворе, или у клети, или у хлева, то тот убит, если же вора додержат до рассвета, то привести его на княжеский двор, а если его убьют, а люди видели вора связанным, то платить за него.
39. Если украдут сено, то платить 9 кун, а за дрова 9 кун.
40. Если украдут овцу, или козу, или свинью, а 10 воров одну овцу украли, пусть каждый уплатит по 60 резан продажи.
41. А тот, кто схватил вора, получает 10 резан, от 3 гривен мечнику 15 кун, за десятину 15 кун, а князю 3 гривны. А из 12 гривен поймавшему вора 70 кун, а в десятину 2 гривны, а князю 10 гривен.
42. А вот вирный устав: вирнику взять на неделю 7 ведер солоду, также барана или полтуши мяса, или 2 ногаты, а в среду резану за три сыра, в пятницу так же; а хлеба и пшена, сколько смогут съесть, а кур по две на день. А 4 коня поставить и давать им корма сколько смогут съесть. А вирнику взять 60 гривен и 10 резан и 12 вевериц, а сперва гривну. А если случится пост – давать вирнику рыбу, и взять ему за рыбу 7 резан. Всех тех денег 15 кун за неделю, а муки давать, сколько смогут съесть, пока вирники соберут виры. Вот тебе устав Ярослава.
43. А вот устав мостникам: если замостят мост, то брать за работу ногату, а от каждого устоя моста по ногате; если же ветхий мост починить несколькими дочками, 3-мя, 4-мя или 5-ю, то так же.

Ришелье (Арман Жан дю Плесси, герцог Ришелье)

Французский государственный деятель, кардинал, первый министр, глава королевского совета во время правления Людовика XIII.

Кардинал Ришелье – одна из наиболее противоречивых личностей в истории Франции. И при жизни, и после смерти его то превозносили до небес, то подвергали жесточайшей критике. До сих пор отношение к нему довольно неоднозначно, причем оно во многом зависит от позиций и мировоззрения, которых придерживается критик. Так, католики считают Ришелье выдающимся государственным деятелем, мудрым и гениальным правите-

лем. Протестанты же практически не признают его заслуг и всячески выпячивают промахи и неоправданные поступки. Либеральные мыслители упрекают Ришелье в том, что он не сумел или не захотел сделать Францию первой страной в мире, в которой была бы учреждена конституционная монархия, хотя все предпосылки для этого у него имелись. Убежденные приверженцы монархии, напротив, осуждают великого политика за то, что он своими действиями по укреплению власти короля чуть ли не создал почву для будущей революции.

Кардинал Ришелье получил среди современников, а затем и потомков, прозвище Красный кардинал. Он, как и все его «коллеги» по сану, носили красные мантии. Однако советник Ришелье, монах ордена капуцинов отец Жозеф, был постоянно облачен в серое одеяние, и поэтому его прозвали Серый кардинал.

Арман Жан дю Плесси, герцог Ришелье, появился на свет 9 сентября 1585 года в Париже. Его отец относился к древнему дворянскому роду. Он оказал весьма существенную услугу королю Генриху III, за что был награжден орденом. При Генрихе IV Франсуа дю Плесси проявил себя как храбрый воин и дослужился до капитанского чина в полку королевской гвардии.

Изначально семья готовила Армана Жана к военной службе, видя в нем продолжателя дела отца. Тем не менее ребенок получил весьма хорошее для рубежа XVI–XVII веков начальное образование. По окончании начального обучения мальчик поступил в военное училище. Там он преуспел в таких нужных для военного дела предметах, как фехтование и езда верхом.

Но неожиданно его судьба круто изменилась. За родом дю Плесси было закреплено право предоставлять епископов в Люсон. Как раз на момент совершеннолетия Ришелье место епископа освободилось, и королевским указом 22-летнего юношу назначили епископом. По церковным правилам возраст Армана Жана был недостаточным для посвящения в епископы. Тем не менее он отправился в Рим, где убедил Папу Римского Павла V все же посвятить его в сан.

Несмотря на то что он стал полноправным главой епархии, дю Плесси поехал из Рима не к месту службы, а в Париж. Так было заведено в ту пору: епископы значительную часть времени проводили в столице вблизи королевского двора, а в свои резиденции возвращались лишь для решения неотложных дел. В Париже Арман Жан закончил курс в Сорбонне и в 1607 году получил ученую степень доктора богословия. Его проповеди нравились королю Генриху IV, который покровительствовал молодому епископу. Однако герой нашего рассказа был не так богат, чтобы чувствовать себя комфортно среди наполнявшей балы и салоны более обеспеченной молодежи. Поэтому вскоре после окончания курса в Сорбонне, холодной зимой 1608 года, он вернулся в Люсон и приступил к непосредственному исполнению своих обязанностей.

В письме Ришелье называл территорию подчиненного ему аббатства «самой жалкой, уродливой и неприятной во Франции». Молодой человек был разочарован и расстроен: «Мне обидно, – писал он в дневнике, – что я не могу жить так, как хочу». К слову сказать, даже сани ему пришлось одолжить у друга.

На своем посту епископ дю Плесси проявил несвойственные его юному возрасту таланты к управлению. За пять лет ему удалось перестроить разрушенные в ходе многочисленных войн храмы (хотя при этом он поправил и свое материальное положение). В планах Армана Жана, тем не менее, не значилось долгое пребывание в скучной провинции. Он стремился вернуться в Париж, причем так, чтобы занять там положение, которое он считал достойным своих талантов.

Свои планы покорения столицы Арман Жан излагает в дневнике, который он называл «Руководством и правилами нахождения при дворе». Так, например, дю Плесси полагал, что в первое время стоит почаще обращать на себя внимание короля и поэтому необходимо

являться во дворец ежедневно. Позже, когда государь уже привыкнет к присутствию епископа Люсонского в Париже, можно будет навещать его пореже. При этом в разговорах с королем Арман Жан предполагал быть смелым и свободным, чтобы сразу заслужить внимание и уважение монарха; но при это нельзя было выходить за границы вежливости, принятой при общении с королем Франции. В планах дю Плесси было также добиться расположения сильных мира сего; их он заранее распределил на потенциальных сторонников, которые могли бы помогать ему и впоследствии были бы им вознаграждены по какому-либо подходящему случаю, и вероятных противников – им также стоило преподнести какой-нибудь дар, чтобы у них было меньше оснований препятствовать его расчетам. При общении с придворными епископ Люсонский планировал поменьше говорить и побольше слушать, набираться опыта и правильно оценивать расстановку сил. Вот как он сам описывал принципы поведения при дворе: «...необходимо принять во внимание, что королю нравятся лишь те из приближенных, которые обращаются с ним смело и свободно, не выходя, однако, из границ должного уважения. Надлежит почаще повторять королю, что только обстоятельства вынуждают меня ограничиваться оказанием маловажных услуг и что для верноподданного нет ничего трудного или невозможного на службе у такого доброго государя и такого великого монарха... Важнее всего наблюдать, откуда именно дует ветер, и не мозолить королю глаза, когда он в дурном расположении духа».

Планы Ришелье по завоеванию королевского двора были нарушены убийством короля Генриха IV, произошедшим в мае 1610 года. Епископу пришлось раньше запланированного отправиться в Париж. Там он принял присягу на верность королеве Марии Медичи, назначенной на должность регентши при Людовике XIII. Но и в этот приезд дю Плесси обнаружил, что он еще недостаточно богат для того, чтобы чувствовать себя своим в Париже. Поэтому он снова вернулся в Люсон.

Следующее появление герцога при дворе было вызвано созывом Генеральных штатов в 1614 году. Дю Плесси прибыл на заседания этого совещательного органа при короле в качестве делегата от духовенства. Несмотря на молодость, ему удалось быстро завоевать влияние среди делегатов своего сословия. Те поручают ему представление доклада королю от имени всего французского духовенства. Речь люсонского епископа произвела большое впечатление и на короля, и на членов собрания. Фактически Арман Жан выступил против общей воли делегатов, осуждавших методы правления регентши Марии Медичи. (Особенное негодование вызывал стремительный карьерный рост фаворита королевы, итальянца Кончини. Вопреки всем правилам и традициям Мария произвела этого человека, не имевшего практически никаких военных заслуг, в маршалы).

Старшие дипломаты отзывались тогда о Ришелье, как о «самоуверенном молодом человеке». Его же мнение о коллегах было следующим: «Они могут и дальше считать, что я буду хвататься за любую выгоду. Со своей стороны, они очень меня обяжут, если эту выгоду предоставят. В любом случае, я не нуждаюсь в их мнении о том, в чем сам прекрасно разбираюсь». В своей же речи Арман Жан осыпал Марию похвалами, особо подчеркивая ее блестящий стиль управления страной (хотя среди делегатов преобладало прямо противоположное мнение об успешности правления Марии). Вознаграждение последовало незамедлительно. Вскоре Ришелье был назначен личным священником королевы Анны Австрийской, супруги Людовика XIII. Теперь он уже мог себе позволить не стесняться в средствах и переехать в Париж, где и купил себе дом. Вскоре Арман Жан стал членом государственного совета, а также секретарем и фаворитом Марии Медичи.

В это время брак Людовика с Анной Австрийской и последовавшая за ним женитьба сестры молодого короля, принцессы Елизаветы, и испанского принца Филиппа вызвали серьезное недовольство среди многочисленных французских протестантов – гугенотов. Это недовольство разделяли многие влиятельные чиновники, которые, однако, решили исполь-

зовать его в своих целях. Они хотели избавиться от Кончини – ненавистного фаворита Марии Медичи. Однако Ришелье относился к нему совершенно иначе. Их отношения были доверительными настолько, что Кончини поручил священнику выполнить несколько весьма деликатных миссий.

Вскоре Ришелье назначили одновременно военным министром и министром иностранных дел. Помимо этого, он также председательствовал в государственном совете. Казалось, перед ним открылась невероятная карьера. Но на самом деле положение Ришелье было не таким благоприятным. Военное министерство испытывало в ту пору значительные финансовые затруднения, и порой дю Плесси приходилось выплачивать подчиненным жалование из личных средств. А его политика на поприще международных отношений сводилась к попыткам заключения мира с многочисленными протестантскими государствами. Это позволило бы не только покончить с регулярными войнами, но и лишить французских мятежников – как католиков, так и гугенотов – убежища в протестантских государствах.

Недовольство придворных выскочкой Кончини привело к заговору, закончившемуся его убийством. Накануне того дня, когда заговор вступил в свою решающую фазу, Ришелье получил анонимное письмо, в котором некий доброжелатель предупреждал его о готовящемся свержении Кончини. Фактически судьба первого министра оказалась в руках молодого епископа. Ведь он мог предупредить своего покровителя, и вполне возможно, что французская и мировая история пошли бы совсем по другому сценарию. Но Ришелье понимал, что без воли самого короля покушение на первого министра, ставленника королевы-матери, было бы невозможным, и воздержался от вмешательства, предоставив событиям развиваться по составленному заговорщиками плану. В результате капитан королевских телохранителей Витри, получивший приказ об аресте Кончини, переусердствовал и убил его.

Одним из первых решений короля Людовика XIII, который решительно взялся за управление страной сразу же после устранения мешавшего ему итальянца, было отдаление Ришелье, который считался представителем проигравшей в результате заговора стороны. Дю Плесси был отправлен в отставку со всех государственных постов. Ему было приказано удалиться от двора.

Поначалу Арман Жан сопровождает королеву-мать в изгнание и проживает с ней в Блуа. Но присутствие рядом с королевой такого ловкого дипломата, каким уже успел себя зарекомендовать Ришелье, сильно беспокоило новую власть. Поэтому вскоре король велел ему вернуться к делам своей епархии.

Епископу пришлось подчиниться. В это время он написал значительное по объему произведение, озаглавленное как «Защита главных положений католического исповедания шарантонскими пасторами». Благодаря этой работе он приобрел репутацию одного из самых ярких сторонников католической веры во Франции. Авторитет Ришелье снова растет, и он обращается к королю с просьбой вернуть его ко двору. Дю Плесси клянется в своей лояльности и верности трону, однако король по-прежнему опасается влиятельного епископа и велит ему вообще покинуть территорию Франции! Ришелье едет в Авиньон, откуда вскоре переезжает в Ангулем, где уже обосновалась также покинувшая Францию королева-мать. Мария Медичи начинает набирать войска и угрожать войной своему сыну. Фактически Ришелье прибывает в Ангелем в роли парламентаря от Людовика XIII, который все же решил во избежание новой войны, на этот раз гражданской, прибегнуть к услугам столь авторитетного епископа и дипломата.

Ришелье достигает соглашения о перемирии, но оно оказывается весьма непрочным, и вскоре начинаются боевые действия между армиями Людовика XIII и Марии Медичи. Однако перевес оказывается на стороне короля, и после очередного поражения Мария

Медичи вынуждена заключить новый мир, и снова значительную роль в подписании соглашения играет Ришелье.

Король, который еще недавно презрительно выслал Ришелье заниматься делами своей епархии, теперь был в восторге от его действий и в знак своей благодарности обещал ходатайствовать перед Папой Римским о посвящении талантливого епископа в кардиналы. Однако это обещание было нивелировано неприязнью, которую испытывал к Ришелье первый министр Людовика XIII де Линь. Тот по своим каналам просил папу не обращать внимания на представление французского посла о возведении Ришелье в кардиналы.

Мир между королем и матерью был освящен бракосочетанием племянника первого министра де Линя и племянницы Ришелье. Однако и это не сгладило разногласий и не уменьшило взаимной неприязни. Лишь после смерти де Линя и королева-мать, и Ришелье получили возможность вернуть себе прежнее влияние при дворе.

Чертами характера герцог Линь весьма походил на короля Людовика XIII, особенно нерешительностью в принятии решений и склонностью попадать под чужое влияние. Его основной задачей на посту первого министра было противодействие политике врагов Франции – Испании и Австрии. Де Линь же фактически помогал этим странам добиваться от французов постоянных уступок, поскольку искал врагов внутри Франции и ослаблял и без того не самую сильную в то время страну.

Именно де Линь посоветовал королю конфисковать часть принадлежавшего гугенотам церковного имущества и земель, тем самым нарушив Нантский эдикт, который был подписан в 1598 году королем Генрихом IV и фактически положил конец религиозным войнам, сотрясавшим Францию во второй половине XVI века. Согласно эдикту, католичество признавалось главенствующей религией в государстве, но при этом гугеноты получали ряд существенных гарантий, включавших, в частности, право проводить богослужения в ряде городов (кроме Парижа и некоторых других), а также право занимать государственные должности. Помимо этого, эдикт содержал и ряд секретных пунктов, разрешавших гугенотам содержать собственную армию и иметь до сотни крепостей и хорошо укрепленных замков (самыми крупными из которых были Ла-Рошель, Монпелье и Монтобан).

Теперь, когда правительство сделало первый шаг к пересмотру гарантий для гугенотов, те по привычке взяли за оружие. Армия короля окружила крепость Монтобан, однако осада оказалась неудачной. Вскоре после этого де Линь умер. Как было сказано в официальном сообщении, смерть герцога наступила «от тревоги и огорчений».

Первым министром стал принц Конде, который, впрочем, не пользовался особым доверием короля. Ришелье в это время пытается восстановить хорошие отношения между королем и его матерью. Это наконец происходит, и благодарная Мария Медичи способствует возведению Ришелье в кардинальский сан. Однако со временем именно она начинает препятствовать дальнейшему карьерному росту Ришелье. Опасаясь укрепления власти и влияния столь искусного интригана, Мария Медичи сумела настроить против него значительную часть двора.

Вскоре придворные интриги вынуждают короля уволить Конде и назначить первым министром маркиза Вьевилля. Ришелье принимал активное участие в осуществлении этих перемещений, в частности, он участвовал в секретном совещании, организованном королем и его матерью, на котором отставка Конде и назначение Вьевилля были окончательно утверждены.

Ришелье был уверен, что маркиз Вьевилль не сумеет самостоятельно разобраться со сложными обстоятельствами, сопутствующими и внутренним, и внешним государственным делам Франции того времени, и неминуемо призовет кардинала к себе на помощь. Так вскоре и произошло, и влияние Ришелье на принятие тех или иных решений государственной важности еще больше возросло.

В то время внешняя политика Франции состояла в противодействии Испании и Австрии, общие интересы которых обуславливались тем, что в обеих монархиях властвовали представители дома Габсбургов. Однако у этих двух империй не было общей границы, что не позволяло им, резко усилившись за счет объединения армий, совместно угрожать Франции. Когда же испанцы предприняли попытку создать прямое сообщение с Австрией, введя свои войска в Вальтелинскую долину (ныне это север Италии), якобы для поддержки местных католиков в их противостоянии с протестантами, французское правительство, руководимое Вьевиллем, не сумело достойно ответить на этот явно недружественный и даже враждебный шаг. Это еще сильнее пошатнуло позиции Вьевилля при королевском дворе.

Его отставку ускорил распространившийся по Парижу памфлет, написанный неким аббатом Болье, называвшийся «Голос общества к королю». В нем Вьевилль обвинялся во взяточничестве, превышении своих полномочий и невыполнении прямых приказов и распоряжений короля. Выгодной альтернативой Вьевиллю памфлет представлял Ришелье, который, как писал автор, был едва ли не единственным человеком, способным вывести Францию из того угрожающего положения, в котором она оказалась под неумелым руководством Вьевилля. Между тем аббат Болье был хорошим знакомым Ришелье, и свое сочинение написал едва ли не под диктовку рвущегося к власти кардинала. Сам же Ришелье сумел организовать дело так, что памфлет попал на глаза королю и был воспринят тем со всей серьезностью.

Придя таким образом к власти, кардинал не собирался следовать примеру своих предшественников, которые либо пали жертвой заговора, как Кончини, либо были смещены в результате придворных интриг. Единственным способом обезопасить себя Ришелье считал... резкое усиление власти монарха, которому он служил.

В то время власть короля во Франции была достаточно слабой. Генрих IV пытался укрепить власть короля и осадить аристократов, порой ставящих свои удельные интересы выше государственных, но не успел до конца выполнить свои миссию и был убит. К моменту прихода Ришелье на пост первого министра Франция была внутренне раздроблена. Фактически отдельным государством внутри страны считали себя гугеноты. Они представляли собой не только религиозную секту, но и крупную политическую партию, готовую при удобном случае обратиться за помощью к заграничным союзникам. В плачевном состоянии находилась королевская казна, а судебная система была практически полностью парализована. Даже на улицах французской столицы жители вынуждены были появляться с оружием, чтобы защититься от грабителей и воров. Например, один из потомков Карла IX годами не платил зарплаты своим слугам, а те и не жаловались, поскольку в любой момент могли выйти на ближайшую улицу и ограбить первого встречного. Сами же аристократы вообще пренебрегали нормами закона. Решение суда для них вовсе не было поводом для беспокойства, к тому же в доме каждого уважающего себя дворянина была целая команда сильных слуг, которые при необходимости просто избивали судебных приставов, являвшихся в дом, и затем выгоняли их вон. Известно, что даже сам Людовик XIII велел поступить так с парламентским приставом, принесшим ему исполнительный лист в отношении одного из придворных. И не миновать бы несчастному серьезной взбучки, если бы не один из королевских советников, который сначала вступился за пристава, а потом и вовсе выяснил, что придворный чиновник, за которым явился пристав, был наказан по приказу самого короля! Ришелье, следуя общей моде, также содержал команду палочников. Впрочем, его высокое положение позволяло применять телесные наказания подобного рода не только по отношению к слугам, но и к лицам более высокого ранга. От Ришелье и его подопечных доставалось и министру финансов, и государственному канцлеру.

Кардинал происходил из дворянского рода, и тем не менее для укрепления власти короля вынужден был нанести основной удар именно по французскому дворянству. Аристократы того времени, как уже было сказано, не питали особого почтения к королю и регулярно

участвовали в различных интригах и заговорах, приводивших к еще большему ослаблению авторитета королевской власти. Поэтому Ришелье заставил наконец работать уже существовавшие законы, а также настоял на принятии ряда новых, которые предусматривали суровые наказания за различные преступления, совершаемые прежде всего людьми аристократического круга. И более того, Ришелье принялся последовательно применять эти законы, карая без всякой жалости представителей дворянства. Впрочем, наказанию подвергались лишь те, в ком кардинал видел угрозу (реальную или потенциальную) своим позициям при дворе.

Ришелье начал свою деятельность по устрашению аристократов с ареста двух братьев Людовика XIII (впрочем, оба брата были рождены простолюдинками в результате внебрачных связей отца французского монарха). Вскоре был казнен граф Шале, но особо сильное впечатление на Францию произвела казнь графа Бутвилля.

Преступление, в котором был виноват Бутвилль, до определенного времени и преступлением не считалось, а было, наоборот, делом чести. Речь идет о дуэлях. Одним из первых действий Ришелье на посту кардинала был строжайший запрет дуэлей под страхом смертной казни и конфискации имущества их участников. Этот запрет был обусловлен следующими обстоятельствами. В то время на дуэлях гибло огромное число представителей аристократической молодежи, которые могли бы долго верой и правдой служить королю и отечеству. К тому же большинство убитых были, как это ни странно, сторонниками кардинала. Тот был весьма непопулярен среди дворян, большинство которых сочувствовало Анне Австрийской, и его приспешники постоянно подвергались оскорблениям и насмешкам в обществе. А единственным достойным ответом на подобные проявления неучтивости считался вызов на дуэль.

На королевский декрет поначалу никто не обратил особого внимания. Даже сам король позволял себе иронизировать над теми, кто в критических ситуациях уклонялся от вызова на дуэль, – дескать, они получили удачную возможность спрятаться за королевским декретом. Иногда указ все же применялся, но до казни и конфискации дело не доходило. Дворян в худшем случае лишали высоких должностей и отправляли в ссылку. Однако граф Бутвилль нарушил королевский декрет цинично и демонстративно. Он специально прибыл в Париж из Брюсселя для поединка с маркизом Девроном. Несмотря на присутствие в Париже короля, дуэль состоялась, причем не тайно, в тихом укромном месте, а в центре Парижа, среди бела дня. В результате дуэли был убит один из секундантов. Бутвилль по окончании поединка бежал из Парижа, но его все же арестовывали и предавали суду. Суд неожиданно для всех решил применить королевский декрет и приговорил графа Бутвилля к смертной казни. Тем не менее все были уверены, что граф будет помилован королем. Однако кардинал настоял на утверждении приговора.

Скорее всего, Ришелье не имел никаких личных счетов с несчастным герцогом Бутвиллем. Однако этот случай был нужен ему, чтобы устрашить тех, кто все еще сомневался в серьезности его намерений укрепить власть короля (и свою собственную) и заставить аристократию подчиниться. Вскоре то же самое произошло с еще более выдающимся представителем французского дворянства графом Монморанси. Все приближенные короля умоляли монарха смягчить смертный приговор графу. Все, кроме, разумеется, Ришелье. Но король тогда настолько доверял своему министру, что остался непреклонным, и граф Монморанси был казнен.

Ришелье сумел преодолеть и раздробленность Франции, превратив ее, по сути, в унитарное государство. Он поочередно лишил привилегий те области и провинции, которые пользовались ими с незапамятных времен. Губернаторы провинций были этим весьма недовольны и угрожали заговорами и даже восстаниями. В ответ на это Ришелье упразднил пост губернатора в провинциях и заменил его назначаемыми королем (а фактически, первым министром Ришелье) интендантами. Чтобы окончательно избавиться от угрозы бунта со сто-

роны провинциальной знати, кардинал добился уничтожения укреплений замков, которые не были непосредственно задействованы в системе государственной обороны Франции.

Расправился Ришелье и с провинциальными парламентами. До его прихода к власти парламенты областей утверждали на своих территориях законы и декреты, подписываемые королем в Париже. Это позволяло провинциям избегать нежелательных для них налогов или уклоняться от выполнения обременительных обязанностей вроде содержания армии во время военных кампаний. Практически все время пребывания Ришелье у власти он боролся с местными парламентами. Лишь за год до смерти ему удалось убедить короля издать указ, фактически ликвидирующий возможность местных парламентов вмешиваться в государственные дела.

С приходом к власти кардинала Ришелье французское духовенство воспряло духом. Однако энтузиазм священнослужителей иссяк, как только они столкнулись с необходимостью платить налоги в казну, как и прочие землевладельцы. Убедить церковников подчиниться Ришелье сумел следующим образом: он намекнул им, что в случае их упорства легко сможет конфисковать в пользу государства всю землю, принадлежавшую на тот момент монастырям и церквям (а это было ни много ни мало почти четверть всей французской земли). Более того, католический кардинал, в свое время ездивший в Рим и просивший благословения у папы, вдруг стал резко выступать против некоторых из прав, издавна признаваемых за папами. Раскол произошел после того, как во Франции получила широкое распространение книга иезуитского священника Санктарея. В своем сочинении тот указывал, что именно папа обладает высшей властью на территориях, где обитают христиане, и может даже свергать с престола монархов и королей. Естественно, такая точка зрения резко противоречила доктрине Ришелье о неограниченной власти короля. Первый министр и кардинал передал книгу Санктарея в суд, и тот нашел сочинение еретическим и присудил сжечь его на площади руками палача. Иезуиты пробовали было протестовать, однако им тут же пригрозили конфискацией земель и высылкой из страны. В результате иезуиты проявили типичную для своего ордена гибкость суждений. Книга Санктарея была к тому времени публично одобрена папой и главой ордена иезуитов; несмотря на это большинство влиятельных французских иезуитских священников сочли нужным подписать приговор об уничтожении данного сочинения.

Комментируя отношения Ришелье с иезуитским орденом, современник кардинала сказал: «Он их скорее боялся, чем любил». Не зря, между прочим, – рука этого ордена чувствовалась во многих заговорах против Ришелье и его политики. Из всех орденов кардинал отдавал предпочтение капуцинам – их настоятель был его давним другом. Со временем появилось своеобразное «министерство капуцинов», представители которого занимались в основном дипломатической деятельностью.

На взаимоотношения папы и Ришелье случай с книгой Санктарея практически не повлиял. Дело в том, что папе в то время было выгодно усиление Франции и неминуемо последовавшее бы за ним ослабление Испании и Австрии. Поэтому при папском дворе старались не обострять отношения с кардиналом, который проводил весьма выгодную для Ватикана политику. Но вот в вопросах, касавшихся исключительно религиозных дел, отношения были далеки от идеальных. Так, папа пришел в ярость, услышав требование Ришелье разрешить дочери Людовика XIII выйти замуж за английского принца, ведь с точки зрения Рима тот считался откровенным еретиком. Тем не менее папа был вынужден благословить этот брак, поскольку кардинал успел намекнуть, что бракосочетание вполне может состояться и без папского благословения. В отместку за это папа отказался возводить Ришелье в сан папского легата.

Иногда конфликты между папой и кардиналом так обострялись, что французский король даже запрещал принимать при своем дворе посланников папы. Однако в конце кон-

цов взаимоотношения наладились, и снова не без помощи памфлетов. В одном из них, выпущенном во Франции, утверждалось, что Ришелье планирует вообще отделиться от власти папы и основать независимую галльскую церковь. От имени кардинала был распространен ответ, где данный тезис отвергался, но вместе с тем подчеркивалось, что в самой подобной идее нет ничего противоестественного и, вероятно, к ней вскоре придется прибегнуть. Папа, напуганный возможностью очередного раскола в церковном мире, пошел на компромисс с Ришелье.

Надо отметить еще один удивительный факт. Ришелье – министр и кардинал – боролся с французскими гугенотами лишь как министр, а как кардинал демонстрировал к ним всяческое уважение и терпимость. Большую опасность для Франции представляло то, что на момент прихода Ришелье к управлению страной гугеноты обладали собственной армией и не стеснялись просить помощи у врагов Франции для защиты своих интересов. Это существенно подрывало единство страны и делало ее весьма уязвимой в случае возможной войны с кем-либо из внешних врагов.

Главной базой гугенотов была хорошо укрепленная крепость Ла-Рошель. Она считалась абсолютно неприступной еще и потому, что была расположена у моря, а флот Франции тогда был крайне слаб и не мог серьезно угрожать обороне Ла-Рошели. Поэтому первое время Ришелье старался не осложнять отношений с гугенотами, но в то же время энергично укреплял армию и флот, копя силы для удара.

Когда армия и флот были достаточно усилены, кардинал Ришелье убедил короля издать декрет, согласно которому все крепости, не играющие важного значения для государственной обороны, должны были быть уничтожены. Это было очередным нарушением Нантского эдикта, и гугеноты пришли в ярость. Но до открытого противостояния дело пока не дошло.

Предлог, впрочем, скоро нашелся. Первый министра Англии, герцог Бэкингам, должен был сопровождать английского короля Карла I во Францию для его бракосочетания с французской принцессой Генриеттой. Бэкингам выделялся среди современников необычайно учтивыми манерами и прекрасной внешностью, поэтому нет ничего удивительного в том, что французская королева Анна стала оказывать ему определенные знаки внимания. Дело дошло до того, что вскоре после официального отъезда английской делегации по окончании свадьбы Бэкингам тайно возвратился в Париж, чтобы встретиться с королевой. Об этом свидании стало известно Ришелье, который велел принять меры к недопущению дальнейших появлений английского министра во Франции. Но Бэкингам все же собрался ехать, и когда ему доставили формальный запрет появляться на территории Франции, он вышел из себя и поклялся встретиться с предметом своих мечтаний вопреки всевозможным преградам.

В результате в Англии было принято решение о начале военной кампании против Франции. В качестве союзников решили выбрать французских гугенотов (подобного предательства, в общем-то, и опасался Ришелье, когда затеял свою кампанию против прав этой группировки внутри государства). Англичане высадились вблизи Ла-Рошели, но вскоре вынуждены были отступить обратно на территорию Англии.

Во время непродолжительного пребывания английских войск на французской территории жители Ла-Рошели оказывали им всяческую помощь и поддержку. Ришелье воспользовался этим для окончательного решения вопроса гугенотов и убедил короля начать осаду крепости.

Город был окружен с суши линией укреплений, а доступ с моря был перегорожен специально возведенной плотиной. Осада Ла-Рошели продолжалась около двух лет. Ришелье лично командовал французской армией под Ла-Рошелью и на соседних территориях. Во введенных ему войсках он установил строгую дисциплину, что очень не нравилось составлявшей основу офицерского корпуса французской аристократии. Многие полагали, что взятие

Ла-Рошели позволит Ришелье усилить и без того казавшиеся весьма прочными позиции при дворе. Обороняющиеся проявляли чудеса мужества и героизма, но нехватка продовольствия и неудачные попытки прорвать блокаду в конце концов вынудили ларошельцев сдаться. Надо отметить, что флот Англии несколько раз пытался прийти на помощь к обороняющимся, но каждый раз английским кораблям не удавалось преодолеть заградительную плотину. Примечательно, что всего через несколько дней после окончательной сдачи Ла-Рошели на море поднялась невиданная буря, которая полностью разрушила погубившую Ла-Рошель плотину. Но было уже поздно. Капитулировавшие ларошельцы могли утешить себя лишь тем, что король по совету кардинала Ришелье предоставил им полную амнистию.

Фактически взятие Ла-Рошели войсками короля означало прекращение религиозных войн во Франции и начало эпохи быстрого роста. Страна лишилась внутреннего врага, который не давал ей развиваться, постоянно угрожая ударом в спину. К тому же после поражения гугеноты сохранили практически все права, касавшиеся веры, – Франция была едва ли не единственным государством Европы, которое придерживалось веротерпимости во внутренней политике.

Теперь Франция стала играть более активную роль в европейской политике. В то время в Германии наблюдался реванш католической церкви в борьбе с Реформацией. И тем неожиданнее была поддержка, которую Ришелье решил оказать, казалось бы, обреченному делу своих религиозных противников. И снова интересы государственного деятеля перевесили в нем интересы католического кардинала. Восстановление позиций католицизма происходило при активной поддержке со стороны Австрии, и Ришелье опасался, что Австрия, усилившись таким образом за счет Германии, начнет диктовать Франции свои условия. Пытаясь не допустить этого, кардинал заключил договор со шведским королем Густавом-Адольфом. По этому договору, стороны обязывались совместно поддерживать существовавшие в ту пору самостоятельные германские государства, при необходимости и силами своих войск.

Параллельно Ришелье через своих шпионов убедил австрийского короля в том, что Франция останется нейтральной при любом развитии событий в Германии. В результате тот отстранил выдающегося полководца Валленштейна, принесшего ему немало побед, которого, впрочем, давно подозревали в ведении излишне самостоятельной политики. В результате австрийская армия осталась без главнокомандующего и вскоре потерпела ужасное поражение в битве со шведами под Лейпцигом.

Война продолжалась, и Франция активно готовилась принять в ней непосредственное участие. Вскоре Густав-Адольф был убит в сражении под Лютценом, в котором, тем не менее, его армия разгромила войска вернувшегося к командованию Валленштейна. Тот вскоре был убит в результате заговора австрийских офицеров, заподозривших своего командующего в измене.

Франция всячески поддерживала германские протестантские государства в их противостоянии с австрийцами, ожидая от них территориальных уступок. Ришелье удалось собрать невиданную до тех пор во Франции 150-тысячную армию. Расходы на содержание войск существенно выросли, государственная казна начала пустеть. Но возникавшие с большой периодичностью волнения и бунты подавлялись без всякой жалости. Война была начата в 1635 году, но не с Австрией, а с другим врагом Франции, Испанией, и шла с переменным успехом. Одно время даже существовала угроза полного поражения Франции и захвата испанцами Парижа. Однако в итоге французской армии удалось нанести испанцам ряд поражений и спровоцировать восстания против испанского короля в Португалии и Каталонии. В результате Португалия окончательно отделилась от Испании, а Каталония вообще признала своим правителем Людовика XIII, короля Франции. Кроме того, Франция получила часть Лотарингии. Окончательный мир был заключен в 1645 году, правда, уже после смерти Ришелье, умершего за три года до этого.

Как уже было сказано ранее, кардинал часто поражал соотечественников необычайной строгостью и порой жестокостью по отношению к неугодным ему дворянам, выражавшейся в вынесении судами наиболее суровых приговоров по, казалось бы, не самым громким делам. Но не стоит думать, что Ришелье последовательно применял все существовавшие в то время законы, невзирая на лица. Он был весьма избирателен, стараясь карать в основном тех, кто относился к числу его врагов или недоброжелателей, либо мог стать таковым. Кроме того, Ришелье полагал, что такие жестокие судебные расправы над противниками производят должный эффект на тех его недругов, которые пока что не давали ему повода применить судебную процедуру по отношению к ним. Фактически, кардинал сумел поставить себе на службу судебную систему Франции и превратить ее в хорошо отлаженный механизм расправы со своими недоброжелателями.

Наиболее широкую огласку получили казни де Ту и Грандье. Вся вина де Ту состояла в том, что он знал о готовящемся заговоре против короля и Ришелье. Заговор готовили друзья де Ту, намеревавшиеся привлечь на помощь испанские войска, когда французская армия увязнет в описанной выше войне в Германии. Де Ту не только не принимал никакого участия в заговоре, но даже пытался отговорить своих товарищей от их предательских намерений. Тем не менее он был предан суду. На процессе де Ту, объясняя, почему он не сообщил о готовящейся измене, говорил, что договор заговорщиков с испанцами должен был вступить в силу только в случае поражения армии французов в Германии. Однако армия одерживала победу за победой, и он как истинный дворянин не решился предать своих друзей из-за воображаемой опасности для королевского дома. Кроме того, у де Ту не было никаких доказательств готовившегося заговора, он узнал обо всем из личной беседы с одним из заговорщиков. Поэтому своим доносом он мог навлечь на себя обвинение в клевете.

Все эти доводы казались весьма убедительными для общественного мнения и даже для суда. Однако Ришелье настаивал на своем. Он нашел в королевском архиве эдикт, подписанный еще Людовиком XI, согласно которому за недонесение о готовящемся мятеже или государственной измене полагается смертная казнь, так же как и за непосредственное участие в заговоре. И хотя эта статья закона до того так ни разу и не была применена, Ришелье заставил судей вынести смертный приговор несчастному юноше. Правда, существует мнение, что таким образом кардинал всего лишь свел личные счеты с родом де Ту. Отец казненного был автором одного исторического трактата, в котором выставил отца Ришелье в весьма неприглядном виде, подробно описав его развратные похождения. Однако гораздо более вероятной выглядит версия, согласно которой, казня де Ту за одно лишь недонесение о готовящемся заговоре против него, кардинал хотел навести ужас на настоящих заговорщиков и заставить их трижды задуматься, прежде чем приступить к реализации своих планов.

Еще более загадочной выглядела казнь Урбана Гренье, на которой также настоял кардинал Ришелье и которая в конце концов была осуществлена. Один из соратников кардинала, Лобардемон, весьма преуспевший в использовании технологии судебных расправ с неприятелями своего патрона, был командирован в Луден, где должен был контролировать срытие военных укреплений, осуществлявшееся в рамках кампании Ришелье по противодействию раздробленности страны. Находясь в Лудене, Лобардемон узнал, что там же проживает Гренье, автор памфлета, выпущенного примерно за 15 (!) лет до описываемых событий, в котором довольно зло высмеивался Ришелье. Об этом тут же было доложено кардиналу, и тот распорядился найти способ расправиться с обидчиком.

За время жизни в Лудене Гренье благодаря своему острому языку успел обзавестись большим количеством недругов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда в местном монастыре появились «бесноватые», жители города посчитали виновником именно Гренье. Некоторые из тех, в кого «вселился дьявол», даже показали на него как на виновника своих мучений. Тот не воспринял обвинение всерьез. У него еще была возможность спа-

стись, тайно покинув город, но он ею не воспользовался и явился в суд. Но даже церковный суд, в который попало дело Гренье, не стал сурово карать фактически невиновного человека на основании показаний одних лишь «бесноватых», а по сути – неадекватных людей. Наказание было весьма легким – суд приговорил Гренье к прилюдному покаянию за якобы имевшие место легкомысленные слова и поступки. Но тот отказался и подал апелляцию. Тут уже вмешался лично Ришелье, настоявший на рассмотрении дела Гренье специально созданной судебной комиссией, которую возглавлял Лобардемон. Для Урбана Гренье это было начало конца.

Началось все с того, что комиссия приняла показания «бесноватых» как вполне достоверные и приобщила их к делу. При этом она сослалась на один из церковных догматов, определяющий случаи, в которых нечистая сила может сообщать людям вполне достоверные сведения. Таким образом потенциальным защитникам Гренье намекнули, что им лучше не подвергать сомнению догматы католической церкви, чтобы не разделить печальную участь обидчика кардинала. Далее комиссия назначила врачей, которым удалось отыскать на теле у Гренье несколько точек, якобы нечувствительных к уколам игл. Это было безусловным свидетельством его связи с дьяволом. Чтобы ни у кого не возникало сомнений на этот счет, был издан указ, запрещающий под страхом крупного штрафа критически отзываться о методах работы комиссии Лобардемона и принимаемых ею решениях. Решающим испытанием для Гренье, которого уже были готовы считать колдуном и посланником сатаны, стало прикладывание к кресту. Чтобы испытание было не слишком легким, чугунный крест раскалили докрасна и в таком состоянии его подносили к губам несчастного. А поскольку тот каждый раз отдергивал голову, комиссия пришла к выводу, что дьявол, вселившийся в Гренье, не позволяет ему исполнить свой долг перед Всевышним и поцеловать крест. Естественно, после обнаружения такой явной связи Гренье с дьяволом его признали еретиком и приговорили к сожжению на костре.

Но не только Ришелье плел всевозможные заговоры против своих врагов, как реальных так и мнимых. Практически все время пребывания на своем посту он сам был объектом разнообразных заговоров, имевших целью опорочить, сместить или даже убить кардинала.

Наиболее простым способом борьбы с Ришелье, вызывавшим, впрочем, большое недовольство у него самого, было написание высмеивающих его памфлетов. Из них можно было узнать, что первый министр причастен к отравлению кардинала Берюлла, который некоторое время являлся фаворитом королевы-матери, планирует убийство самого короля, с тем чтобы лично усесться на трон, что Ришелье абсолютно не интересуется церковными делами и даже не верует в Бога. Впрочем, он и сам часто использовал памфлеты, чтобы опорочить своих недругов, так что можно сказать, что его враги всего лишь адекватно ему отвечали. У кардинала было несколько талантливых писателей, работавших лично на него. Они занимались художественным опровержением обвинений, выдвинутых против Ришелье, и попутно высмеивали авторов этих обвинений. Когда одних лишь памфлетов стало не хватать для поддержания имиджа, кардиналу пришлось выпускать специальную газету. Впрочем, этим Ришелье не ограничился. В его руках была сосредоточена огромная власть, и некоторые из тех, кто осмеливался высмеять или оскорбить кардинала, дорого поплатились за это удовольствие.

Некоторые из памфлетов, критиковавших первого министра, были также направлены и против короля и предназначались прежде всего для него. Людовик XIII представал в них совершенно беспомощным правителем, полностью подчиняющимся своему министру. Однако подобные произведения давали лишь обратный эффект, ведь уволить Ришелье в этой ситуации означало признать правоту авторов памфлетов, которые часто не скрывали своих имен и были хорошо известны в обществе. Поэтому, защищаясь от памфлетов, король все больше приближал Ришелье.

Поняв, что одними памфлетами с кардиналом справиться не удастся, его враги перешли к более серьезным шагам. Как правило, заговоры против Ришелье организовывались французскими аристократами при активной поддержке зарубежных врагов кардинала, прежде всего представителей испанского двора.

Интрига первого и одного из самых масштабных заговоров против Ришелье заключалась в следующем. Принц Гастон, брат короля, собирался жениться на Маргарите де Лоран, одной из богатейших невест Франции. Этот брак был одобрен королевой-матерью и полностью устраивал Ришелье, однако королева Анна, жена Людовика XIII, начала плести заговор. В то время казалось, что здоровье короля Людовика XIII существенно пошатнулось и его дни сочтены. Поскольку прямых наследников у короля не было, женитьба его брата была весьма опасной для Анны. Ведь в случае смерти Людовика XIII она осталась бы ни с чем. Анна Австрийская вступила в сговор с Гастоном. Прежде всего нужно было отстранить от власти Ришелье, который мог помешать их планам. Наиболее радикальные участники заговора предлагали даже убить опасного кардинала. Далее, заговорщики, к которым примкнул целый ряд высокопоставленных дворян, планировали отстранить от власти короля под предлогом его якобы слабого здоровья, расторгнуть брак Людовика XIII и Анны Австрийской и выдать ее за принца Гастона. После этого Гастона должны были провозгласить новым королем Франции.

Ришелье заблаговременно узнал о готовящемся заговоре благодаря чрезмерной болтливости одного из его участников, графа Шале. Гастон был вызван к королю и раскаялся во всем. Он пообещал жениться на Маргарите де Лоран и никогда более не претендовать на власть. На этих условиях ему было обещано помилование. Тем не менее буквально на следующий день после беседы с королем Гастон начал подготовку к вооруженному восстанию с участием гугенотов и при поддержке враждебных Испании и Австрии. Ришелье довольно быстро узнал об этом через сеть шпионов. Новый заговор был раскрыт еще на начальной стадии. На этот раз увещеваниями дело не обошлось. Многие высокопоставленные участники заговора были казнены: принц Гастон, испугавшись за свою жизнь, добровольно выдал всех своих сообщников. После этого он беспрекословно согласился на немедленный брак с мадемуазель де Лоран. Король же, не желая быть слишком суровым по отношению к своему брату, одарил его несколькими герцогствами (к имени принца часто добавляют название одного из них, величая его «Гастоном Орлеанским»). Однако среди прочих имен Гастон назвал и имя королевы Анны Австрийской, и нужно было решить, как поступить с ней.

Людовик XIII вынудил королеву явиться на заседание государственного совета, где высказал ей свои обвинения. Наиболее серьезным из них было желание королевы выйти замуж за другого при жизни мужа. Королева ответила, что мало бы получила от такой замены мужа, после чего с ней случилась истерика. В результате за королевой Анной установили строжайший надзор, ей, помимо прочего, было строго запрещено принимать в своих покоях посторонних мужчин.

После этого заговора Ришелье получил право на охрану, состоявшую поначалу из 50 мушкетеров. Позже численность его личной гвардии дошла до трехсот человек.

Через несколько лет едва не осуществился еще один заговор, направленный против Ришелье и ставивший целью отстранение его от власти. Началось все с того, что король и кардинал отправились в расположение действующей армии. С ними поехала и королева-мать. Дорога пролегла через территорию, на которой в то время свирепствовала чума. Во время стоянки в Лионе королева отказалась следовать дальше и обвинила Ришелье в покушении на жизнь ее сына – дескать, он специально повез слабого здоровьем короля через зараженную территорию. Король, который и в самом деле чувствовал себя плохо, решил остаться с матерью. Вскоре его состояние настолько ухудшилось, что впору было ставить вопрос о наследнике. Впрочем, король вскоре поправился, причем так же внезапно, как и

заболел. Но перед тем мать и жена Людовика сумели выманить у него обещание отправить ненавистного уже им обеим кардинала в отставку. И все же, окончательно выздоровев, король передумал выполнять свое обещание.

По возвращении в Париж вопрос об отставке Ришелье был поставлен ребром. В то время кардинал еще занимал должность управляющего Марии Медичи, а его племянница Комбале (которую, впрочем, подозревали в том, что она является любовницей кардинала и что она родила ему двоих детей) была придворной дамой королевы-матери. После резкого обострения отношений Мария Медичи уволила их обоих. Однако вернувшись в Париж, король упросил мать примириться с Ришелье и его племянницей, обещая, тем не менее, уволить своего первого министра «при случае». Слухи о скорой отставке Ришелье распространились по Парижу, и многие придворные, постоянно находившиеся возле него, предпочли его покинуть. Однако в день, когда должно было состояться окончательное выяснение отношений между королем, его матерью и Ришелье и когда, по мнению всех, кардинал должен был получить отставку, нервы Марии Медичи не выдержали. Когда Ришелье склонился перед ней в предусмотренном дворцовым этикетом поклоне, она еще изображала из себя любезность, но по ходу беседы сорвалась и обрушила на кардинала поток самых грязных ругательств. Король попытался успокоить королеву-мать, но та буквально набросилась на кардинала и выгнала из своих покоев.

Ришелье уже и сам был уверен, что его дело проиграно. Однако на следующий день король явно демонстрировал свою благосклонность к кардиналу и, напротив крайне холодно держал себя с матерью. Вскоре Марии Медичи было предложено переехать в одну из отдаленных провинций на выбор: фактически это означало ссылку. Мария предприняла попытку организовать еще одно восстание с помощью все того же Гастона Орлеанского. Но кардинал Ришелье и тут сумел ей помешать, вовремя сменив комендантов крепостей, гарнизоны которых должны были помочь королеве-матери.

Но тем временем Гастон уже успел собрать войска, заручившись поддержкой ряда губернаторов, и выступить против короля. Но расчет на помощь со стороны королевы-матери не оправдался, и Гастон вынужден был сначала отступить, а затем бежать за границу.

Но на этом серия интриг и заговоров, связанных с именами Гастона и Марии Медичи, не закончилась. Гастон, женившийся после первого заговора, уже успел овдоветь и подыскивал себе новую жену. Анна Австрийская склоняла его к женитьбе на одной из своих испанских родственниц, а королева-мать предлагала итальянскую невесту. Король же, который к тому времени продолжал оставаться бездетным, завидовал брату, у которого за год брака успела родиться дочь, и вообще запретил ему снова жениться.

Выехав за границу, Гастон пренебрег запретом короля и женился на сестре приютившего его герцога лотарингского. Затем Гастон и Мария Медичи переехали в Брюссель и оттуда продолжали плести интриги против короля и Ришелье. Ими был подготовлен новый заговор, который, так же как и предыдущие, был предотвращен еще в зародыше. Чтобы устроить мятежников, Ришелье приказал казнить одного из их сторонников, маршала Марильяка. Однако те все же решились выступить с сильным отрядом, к которому уже во Франции присоединились несколько герцогов со своими войсками. Но в состоявшемся сражении королевское войско снова одержало верх над мятежниками. Изменившие королю французские аристократы были казнены, а принцу Гастону как особе королевской крови удалось вымолить себе помилование на самых унижительных условиях.

Вскоре Франция вступила в войну с Испанией, и заговоры и покушения на кардинала получили прямую поддержку из-за рубежа. Зная о готовящихся покушениях, Ришелье с особой осторожностью относился к блюдам, попадавшим к нему на стол. Все они проверялись специально нанятыми людьми.

Наиболее реальную возможность устранить Ришелье заговорщики упустили во время осады французами захваченного Испанией города Корби. Давние враги кардинала, к числу которых относились принц Гастон и граф Суассонский, вступили в переговоры с испанцами с целью помешать планам кардинала. Наиболее эффективным способом было организовать убийство Ришелье. К нему уже были посланы убийцы, которые по сигналу должны были нанести смертельный удар. Однако в последний момент Гастон трусил и не отдал команду своим агентам. О заговоре вскоре стало известно, и его организаторы вынуждены были скрыться за границей.

Спустя некоторое время король решил помиловать графа Суассонского, и тот вернулся во Францию. Седан, в котором поселился граф, сразу стал местом планирования новых заговоров. В 1641 году здесь началось вооруженное восстание, которое несло серьезную угрозу правлению Людовика XIII и Ришелье. Мятежников возглавляли граф Суассонский и герцог Бульонский, которые заручились поддержкой значительной части французской аристократии. Поддержать их обещали также соседи Франции – Австрия, Испания и Лотарингия. Король послал навстречу восставшим войска, но силы были неравны, поскольку к тому времени подоспела обещанная восставшим поддержка из-за границы. Королевские войска были разгромлены, и казалось, ничто не сможет спасти власть Людовика XIII. Но в это время пуля неизвестного убийцы поразила главного организатора и идеолога восстания, герцога Суассонского. Подозревали, что Ришелье, не видя другой возможности справиться с мятежниками, подослал к их главарю наемного убийцу. После смерти предводителя начались распри среди других лидеров восстания, и некоторые, включая герцога Бульонского, поспешили продемонстрировать свою преданность королю, свалив всю вину за измену на убитого предводителя. Таким образом, восстание провалилось, а нераскаявшиеся заговорщики вынуждены были укрыться за границей.

Еще один заговор против Ришелье примечателен тем, что, по некоторым сведениям, его организатором был сам король, который видимо тяготился чрезмерной концентрацией власти в руках своего первого министра. Один из фаворитов короля, Сен-Марс, которого Ришелье обвинил в связях с изменниками, включая печально знаменитого брата короля Гастона, в личной беседе заявил королю, что готов убить кардинала, посмевшего предъявить ему такое ужасное обвинение. И хотя информация о связи Сен-Марса с Гастоном и другими врагами Ришелье была правдивой, король предоставил фавориту возможность исполнить свое обещание. Во время одного из приемов Людовик XIII оставил Ришелье наедине с Сен-Марсом. Однако у того не хватило решимости исполнить задуманное.

О Сен-Марсе и истории его появления при дворе короля стоит рассказать подробнее. Людовик XIII долгое время добивался симпатии девицы де Отфор, придворной дамы королевы Анны. Более того, придворная часто смеялась вместе с королевой над неловкостью попыток Людовика добиться ее благосклонности. Узнав об этом, король просто отдалил от себя даму, не предприняв никаких более серьезных действий. Переживая эту душевную драму в одиночестве, он неожиданно сблизился с девицей де ля Файет, также придворной Анны, доброй, понимающей девушкой, которая терпеливо выслушивала жалобы короля, его размышления и сомнения. Де ля Файет была слишком честной, чтобы сплетничать о слабости короля, и слишком умной, чтобы полюбить его. А вот король понемногу привязался к де ля Файет, ведь ее холодность неожиданно контрастировала с заискивающим поведением остальных придворных. Потребность видеть ее около себя постепенно переросла в нежность: король влюбился. Поначалу девушка устояла перед Его Величеством, который впервые в жизни оказывал подобное внимание особе противоположного пола. Однако вскоре, не без уговоров со стороны Ришелье, она все-таки стала любовницей короля. Ходили слухи, что девушка одновременно была и любовницей кардинала (некоторое время она жила в его поместье на правах доверенной особы короля). «Карьера» де ля Файет при дворе закончи-

лась ее уходом в монастырь. Узнав об этом, Ришелье с облегчением вздохнул: он боялся фаворитов Людовика и следил за тем, чтобы они не получили слишком много влияния. С целью утешить короля Ришелье подыскал ему любовника. Им и был Сен-Марс, подосланный Людовику под видом служки, выполняющего мелкие поручения, обладавший необходимыми качествами для поддержания шаткого внутреннего мира короля в относительном равновесии. Казалось, что Сен-Марс совсем не ценит своего положения фаворита – он часто жаловался на «отвратительный запах, исходящий от короля», и бывал невежлив с Его Величеством. Но юноша был так нужен королю, что тот прощал любые «прегрешения». Король, как и раньше, использовал фаворитов в качестве слушателей, выговаривая им все обиды. Главной темой таких разговоров был Ришелье, бывший покровитель Сен-Марса (зная об этом, король даже заставил юношу поклясться ничего и никому не говорить об этих разговорах). Тлевший конфликт вырвался на поверхность, когда король назначил Сен-Марса главным сборщиком налогов, потребовав при этом от Ришелье допустить юношу на закрытое государственное совещание. Сен-Марс стал врагом кардинала и вскорости в результате серии интриг был приговорен к казни.

Сам Людовик XIII в показаниях перед комиссией, судившей Сен-Марса, сообщал следующее: «Справедливо, что господин Сен-Марс видел иногда мое недовольство любезным кузеном, кардиналом Ришелье. Недовольство это вызывалось опасением, что кардинал, заботясь о моем здоровье, не позволит мне принять участие в осаде Перпиньяна, или иными подобными же причинами. В таких случаях г-н Сен-Марс всячески старался возбудить меня еще более против моего кузена кардинала. Когда враждебное его настроение не выходило из границ некоторой умеренности, я иногда не прекословил; когда, однако же, г-н Сен-Марс забылся до того, что стал говорить о необходимости отделаться от моего кузена-кардинала и предложил для этого лично свои услуги, дурные замыслы возбудили во мне ужас и отвращение. Знаю, что вы мне поверите на слово, но, впрочем, каждый поймет, что ничего иного и быть не могло, так как если бы г-н Сен-Марс встретил с моей стороны одобрение дурным своим замыслам, то ему незачем было бы заключать с испанским королем договор, направленный в ущерб мне и моему государству. Очевидно, что он подписал этот договор, лишь отчаявшись достигнуть иным путем цели своих стремлений».

Король называл своего фаворита «милый друг». Когда пришло время казни Сен-Марса (Людовик на ней не присутствовал) и зазвонил колокол, король посмотрел на часы и сказал: «У милого друга сейчас грустное лицо...»

Несмотря на многочисленные интриги и заговоры главным врагом Ришелье все же было его здоровье. С болезнями Ришелье боролся долго и мучительно, но без особого успеха. После лихорадки, пережитой в Люсоне, его голова была «самой худшей в мире». Однажды он написал в дневнике: «Эта головная боль меня попросту убивает». Он даже дал письменный обет проводить особо пышные мессы в Ришелье каждое воскресенье, Надеясь на снисхождение Всевышнего: «...Чтобы Богородица по просьбе моего покровителя, апостола святого Иоанна, вернула мне здоровье и в течение восьми дней избавила меня от ужасной головной боли, что просто рвет меня на части, выводя из равновесия». К болезням со временем прибавился геморрой, превративший сидячую работу в кабинете в сущую пытку, мочекаменная болезнь и фурункулы.

В июле 1642 года в Кельне умерла Мария Медичи, мать Людовика XIII, высланная по воле Ришелье и так и не получившая разрешения вернуться на родину. Чувствовал приближение смерти и сам кардинал. Его здоровье, и без того не блестящее, было подточено многолетней борьбой с разного рода заговорами. Жить в постоянной опасности оказалось слишком тяжело. Незадолго до смерти Ришелье предпринял попытку поправить здоровье, пройдя курс лечения на популярном в то время курорте минеральных вод, однако это лишь на короткое время отдалило неизбежный конец.

Уже будучи тяжело больным, Ришелье продолжал работать по несколько часов в день, составляя разного рода поручения французским посланникам и комендантам провинций. В конце ноября наступило резкое ухудшение, кардинал периодически терял сознание. Практиковавшееся в те годы как весьма эффективное средство пускание крови лишь усугубило и без того тяжелое состояние больного.

2 декабря кардинала навестил Людовик XIII. Ришелье к тому времени уже не питал никаких иллюзий относительно своего здоровья. Он прямо сказал об этом королю, оговорившись, что оставляет своего властителя со спокойной душой, ибо Франция, по словам кардинала, находилась в тот момент в высшей точке своего могущества и славы. Думал Ришелье и о преемнике. Единственным возможным кандидатом он считал кардинала Мазарини, который впоследствии оказался достойным продолжателем дела кардинала Ришелье.

Оставшись наедине со своими врачами, кардинал узнал у них, сколько ему осталось жить. Один из докторов решился сказать всесильному некогда первому министру, что через 24 часа тот либо встретится с Богом, либо совершенно исцелится. Естественно, Ришелье хорошо понимал, что в его состоянии о выздоровлении речь уже идти не могла, поэтому оставшиеся часы своей жизни он посвятил улаживанию государственных и личных дел.

На следующий день король снова посетил Ришелье, они долго беседовали без свидетелей. Вскоре к умирающему прибыли посланцы от его давних врагов – королевы Анны Австрийской и принца Гастона Орлеанского, – чтобы засвидетельствовать кардиналу их глубочайшее почтение и уверить в том, что они более не считают его своим врагом.

Племянница кардинала сообщила ему о видении, будто бы посетившем одну из монашек близлежащего монастыря. Та якобы четко видела спасение кардинала от верной смерти рукой Бога. Ришелье, человек, который по должности должен с большим вниманием относиться к подобным предсказаниям, лишь улыбнулся, услышав о нем. «Можно верить лишь Евангелию», – сказал он.

Во время предсмертной исповеди на предложение простить врагов кардинал ответил: «У меня нет врагов, кроме врагов государства». Это утверждение было по-своему правдиво, ведь Ришелье уже давно поквитался с личными врагами и отомстил всем обидчикам.

После смерти тело Ришелье было забальзамировано и похоронено в часовне Сорбонны. В ходе французской революции, когда практиковались показательные казни, тело кардинала было вынуто из могилы и обезглавлено. Палачи бросили туловище в Сену, а голову выбросили на бульвар Сен-Мишель. Ее тайно подобрали монахи. В 1886 году Наполеон III распорядился захоронить останки в первоначальном месте, но его приказ не был выполнен – монахи боялись повторения революционного суда, поэтому спрятали голову в одну из колонн, залив нишу бетоном. Сейчас историки надеются найти тайное захоронение в ходе реставрационных работ, проводимых в Сорбонне.

Ришелье оставил Францию одной из величайших европейских держав, государством хорошо организованным, обладающим отлично вооруженной армией и сильным флотом. Доходы страны стабильно превышали расходы, если не считать военных лет.

Кстати, для пополнения казны Ришелье не брезговал пользоваться способом, в свое время существенно подорвавшим престиж королевской власти, а именно продажей должностей при дворе. Другое дело, что он ограничивался получением денег за назначения на второстепенные должности, не связанные с принятием важных государственных вопросов. Порой ему даже приходилось специально создавать новую должность для пополнения казны от ее продажи. К тому же Ришелье предпочитал назначать на должности за деньги исключительно своих сторонников. При нем Франция укрепила свои позиции в колониях, получив Восточную Индию и Гвиану и вернув себе Канаду.

Ришелье немало сделал и для улучшения образования народа Франции. В 1636 году он основал Королевскую академию, готовившую детей знати к военной и дипломатической

службе. Также к его заслугам следует отнести открытие в 1640 году еще одной Академии и Королевской коллегии для дворянства.

Ришелье инициировал создание таких компаний, как «Канада», «Американские острова», «Нормандская компания» (осуществляла свою деятельность в Сенегале), «Остров Святого Кристофа», «Восточный берег Африки» (деятельность на Мадагаскаре). Деятельность этих компаний была не только коммерческой, но и колонизаторской. Сам кардинал был членом большей их части, он же всячески стимулировал участие знати и государственных деятелей в их работе. Ришелье занимался также защитой колониальных производителей, способствовал заселению новых земель (но, тем не менее, запретил протестантам селиться в Канаде). Именно по его приказу была открыта торговля с Персией, Россией, Швецией и Марокко. Одновременно с началом этой деятельности Ришелье сам себе присвоил титул «Главного руководителя и суперинтенданта навигации» (произошло это в 1626 году).

При Ришелье, в 1629 году, был создан свод законов «Мишо» (написан Мишелем де Мориакон). В нем регулировалась деятельность текстильной промышленности, стимулировалась морская торговля (но запрещалось использовать иностранные суда для этой цели), устанавливалась пошлина на импортные товары. Этот документ часто связывают с «Актами о навигации» Кромвеля. Сам Ришелье отмечал: «В Европе нет второго такого государства, как Франция. Мы имеем в избытке все необходимые условия, чтобы превратиться в хозяев моря. Осталось лишь посмотреть, как наши соседи управляют своим флотом, а также предпринять несколько больших кампаний».

Ришелье очень много внимание уделял литературе, особенно прозаическим текстам, много читал и писал сам. В собственных произведениях кардинал выглядит несколько жеманным, манерным, отдающим предпочтение стилю перед содержанием (естественно, лишь на тех страницах, где он говорил не о политике). Он всегда считал себя талантливым писателем и драматургом. Ришелье нанял пять авторов, которые помогали в написании и редакции нескольких пьес («Тюильри», «Большая Пастораль», «Мирам»). По отзывам современников, этим пьесам аплодировали в двух случаях: если в зале сидели верные Ришелье люди или сам кардинал. Для печати своих произведений он даже открыл типографию, которая впоследствии стала печатать королевские указы и другие официальные документы.

Ришелье добивался влияния на массы не только посредством интриг или реформ, но и с помощью средств массовой информации. Первыми газетами кардинала были «Меркурий» и «Газета». Они сотрудничали непосредственно с королем. Что характерно, первый редактор Франции Ришелье был против создания других печатных изданий. Он запрещал кому-либо из книгоиздателей, даже наиболее лояльным, служившим при дворе Людовика XIII, писать о последних событиях.

Библиография кардинала очень широка. Помимо пьес, она включает «Историю Матери и Сына», позднее переписанную под заголовком «Воспоминания об истории Франции» (впервые издана в 1823 году); «Политический завет», содержащий несколько притворные и манерные размышления о политике (ранее текст считался подделкой, признан подлинным и полностью издан в 1764 году); «Дневник господина кардинала Ришелье в период придворных бурь 1630–1631», насыщенный похвалами самому себе и гордостью за собственную деятельность (издан в 1664 году). Один из почитателей кардинала финансировал посмертное издание многотомного сборника «Письма, руководства и государственные бумаги» в 1853–1863 годах.

Ришелье создал очень много работ религиозного содержания: «Приказание Синоду» (1613), «Ответ четырем министрам Шартона» (1617), «Разъяснения по христианскому катехизису Люсона» (1619), «О совершенстве христианства» (1649), «Советы, как наиболее быстро вернуть в лоно Церкви тех, кто от нее отвернулся» (1651). Он очень хотел увековечить себя как писателя – постоянно писал сам или диктовал своим секретарям. Его

тексты носили, кроме того, и публицистический характер, ими он отвечал на те или иные события в стране. Перед началом работы над новым трудом Ришелье всегда просматривал свои предыдущие заметки по данной проблеме.

Спорным фактом остаются отношения Ришелье и Пьера Корнеля – великого французского драматурга эпохи классицизма. Кардинала обвиняли в ревности к успеху тогда еще молодого автора. Говорят, Французская академия была создана именно для преследования Корнеля за посвященную событиям испанской Реконкисты пьесу «Сид», созданную в 1636 году и поставленную в 1637-м. В 1653 году эту «сплетню» пытались разрушить. Сторонники кардинала на основе исследования его архива распространили точку зрения, что тот, как благородный и образованный господин, очень любил театр и драматургов. Тем более Ришелье был так занят внутренней и внешней политикой Франции, что физически не мог следить за дискуссией вокруг «Сида». Эта пьеса, имевшая ошеломляющий успех у публики, два раза ставилась на подмостках личного театра кардинала и принесла автору карьерный рост и пожизненный пенсион. Виновным в гонении драматурга был объявлен распорядитель кардинала Буаробер. По его наущению Академия написала разгромные по содержанию «Впечатления от "Сида"». Кардинал всячески пытался смягчить этот критический отзыв, так как очень дорожил дружбой с Корнелем. Впрочем, как уже было сказано выше, такая трактовка была надуманна и создавалась только для того, чтобы закрыть рот недоброжелателям, оскверняющим светлую память о кардинале.

О внешности Ришелье нам известно, прежде всего, благодаря портрету Филиппа де Шампэнэ. Кардинал изображен в полный рост, он очень хорошо одет, как бы демонстрируя и подчеркивая свою любовь к роскоши и элегантности. Несколько удлиненное лицо с тонкими усиками и острой бородой выдает скорее дворянина, чем священника. Тонкий длинный нос, чувственные губы, маленькие блестящие и немного грустные глаза, высокий лоб... Все кажется немного театральным: и поза, одновременно вежливая и высокомерная, манера держать трость, тело, будто бы дрожащее от нетерпения. Наверняка именно так выглядел кардинал, разговаривая с королем и объясняя ему все тонкости королевской власти, уча его быть королем; при этом поведение Ришелье постоянно менялось – от угроз бросить все до заискиваний и ласковых слов.

У кардинала был твердый характер, «без страха и упрека». Ришелье никогда в себе не сомневался, ведь помешать ему могло только стечение обстоятельств. «Даже великодушный человек не должен отказываться от сомнительной партии, если это принесет ему успех в будущем. В этих случаях задержка или чрезмерная мнительность – преступны, а решительность свидетельствует о сильном духе», – говорил Ришелье. Также к его словам относятся и такие: «Желаемое можно приобрести ценой не только золота, но и человеческой крови». Единственная слабость, которую позволял себе кардинал, – это смех. Но не нужно видеть в Ришелье святого, ведущего аскетичный образ жизни. Он любил деньги за то, что они обеспечивают власть. Да, в свое время он был беднее, чем ровесники, а получив пост при короле, уступал государю по богатству. Когда-то он даже отказался от пенсион в 20 тысяч экю, от дохода с адмиральской должности в 40 тысяч и даже от миллиона, предложенного католической знатью. В 1617 году он имел постоянный доход в 25 тысяч экю, а уже в 1624-м стал «коллекционировать» аббатства (Курсэ, Редон, Понлевуа, Ам, Ключи, Мармутье, Сен-Бэнуа, Сент-Арнуль де Мец, Шас-Дьё и другие), получая к этому еще и 500 тысяч ренты, и 100 тысяч пенсион. Но Ришелье не мог копить деньги. Он их тратил. На подкуп, на приданное племянницам, на постройку новых зданий, на покупку шикарных одежд и украшений, на меценатскую деятельность.

Как и многие великие люди, оставившие глубокий след в истории, Ришелье способствовал появлению новых правил этикета. Он был очень щепетил в этом вопросе, ставил вежливость и протокол превыше всего. Например, именно Ришелье стал «изобретателем»

столовых ножей с закругленными кончиками. Однажды во время обеда у себя дома кардинал обратил внимание на привычку некоторых гостей ковыряться в зубах. Все бы ничего, но они почему-то игнорировали зубочистки, пользуясь кончиком ножа. После приема Ришелье приказал мажордому отпилить острые концы у всех столовых ножей и аккуратно закруглить их, чтобы отучить невоспитанных гостей от некрасивых жестов.

Следует отметить, что смерть кардинала, крайне непопулярного во Франции, вызвала в стране едва ли не взрыв ликования. Ко всеобщему плохо скрываемому торжеству присоединился и сам король, который был обязан Ришелье практически всем. Близкие кардинала говорили, что после последней беседы с ним король вышел в весьма довольном расположении духа. Вскоре после смерти Ришелье Людовик XIII написал музыку на стихи поэта Мирона по случаю смерти своего первого министра.

Влияние Ришелье на ход европейской истории грандиозно. Вследствие проводимой им внутренней политики была устранена сама возможность дальнейшего военного противостояния между католиками и гугенотами. Благодаря его решительной борьбе с дуэлями этот вид взаимного удовлетворения стал считаться у французской аристократии не делом чести, а уголовно наказуемым преступлением, хотя полностью уничтожить дуэли как явление кардиналу так и не удалось.

Ришелье часто называют врагом знати. Оценка достаточно странная, особенно если принять во внимание происхождение кардинала, гордившегося своей аристократичностью, воспитанного в светских традициях. Он всегда был скорее «рыцарем шпаги», чем священнослужителем. И он нуждался в первом сословии, т. е. в знати, но не той, что разрушает государство и всегда готова к организации восстаний, ссорится из-за государственных назначений и легко идет на контакт с соседями-врагами Франции. Идеальная знать означала людей активных, занятых военными ведомствами и епископствами. Они должны быть богаты благодаря коммерческой деятельности внутри страны или в новых колониях. Ришелье собирався отменить обычай занимать некоторые должности по наследству. Он планировал вынудить отпрысков таких «особенных» родов, бывших губернаторами той или иной области на протяжении нескольких поколений, менять время от времени свои провинции.

Сегодня, анализируя деятельность Ришелье, даже его поклонники признают многие методы решения проблем, которые использовал кардинал, чудовищными и аморальными. В действительности Ришелье был всего лишь характерным представителем своего времени, возможно, лишь слегка выделяясь благодаря значимости в масштабах страны и Европы. Кроме того, он зачастую ставил личные интересы на первый план и преследовал в первую очередь ту цель, которая казалась ему наиболее реальной. Надо сказать, что Ришелье продемонстрировал неожиданную для католического кардинала веротерпимость. Его неприятели предпочитали объяснять это качество первого министра полным равнодушием к религии и вере. Однако следует признать, что благодаря веротерпимости Ришелье и обусловленной ею внутренней и внешней политике Франции времен его правления Европа избежала опасности целиком оказаться под властью инквизиции – это могло бы произойти, если бы Испания взяла верх в своем противостоянии с Францией. Таким образом, кардинал Ришелье оказал крупную услугу европейской и мировой истории.

В заключение приведем некоторые высказывания, авторство которых приписывают кардиналу.

«Во время слежки практически невозможно получить правдоподобные доказательства. Но если подозрения все более серьезные, другие должны прислушаться к ним хоть бы потому, что они вообще возникли. Если речь идет о повседневном судебном разбирательстве, суд должен опираться лишь на неопровержимые доказательства. Это правило не действует, если затронуты интересы государства. В этом случае роль доказательств могут выполнять подозрения и предположения».

«Дайте мне шесть строчек, написанных рукой самого честного человека, и я найду в них что-нибудь, за что его можно повесить».

«Чтобы управлять государством, нужно поменьше говорить и побольше слушать».

В спорах Ришелье часто ссылался на текст Библии или на библейские сюжеты. Например, отпуская грехи Гастону после исповеди, кардинал без обиняков пригрозил: «После ваших преступных действий Бог непременно снизойдет с небес. Но если в первый раз это была манна небесная, то во второй он поразит вас огнем, громом и молнией».

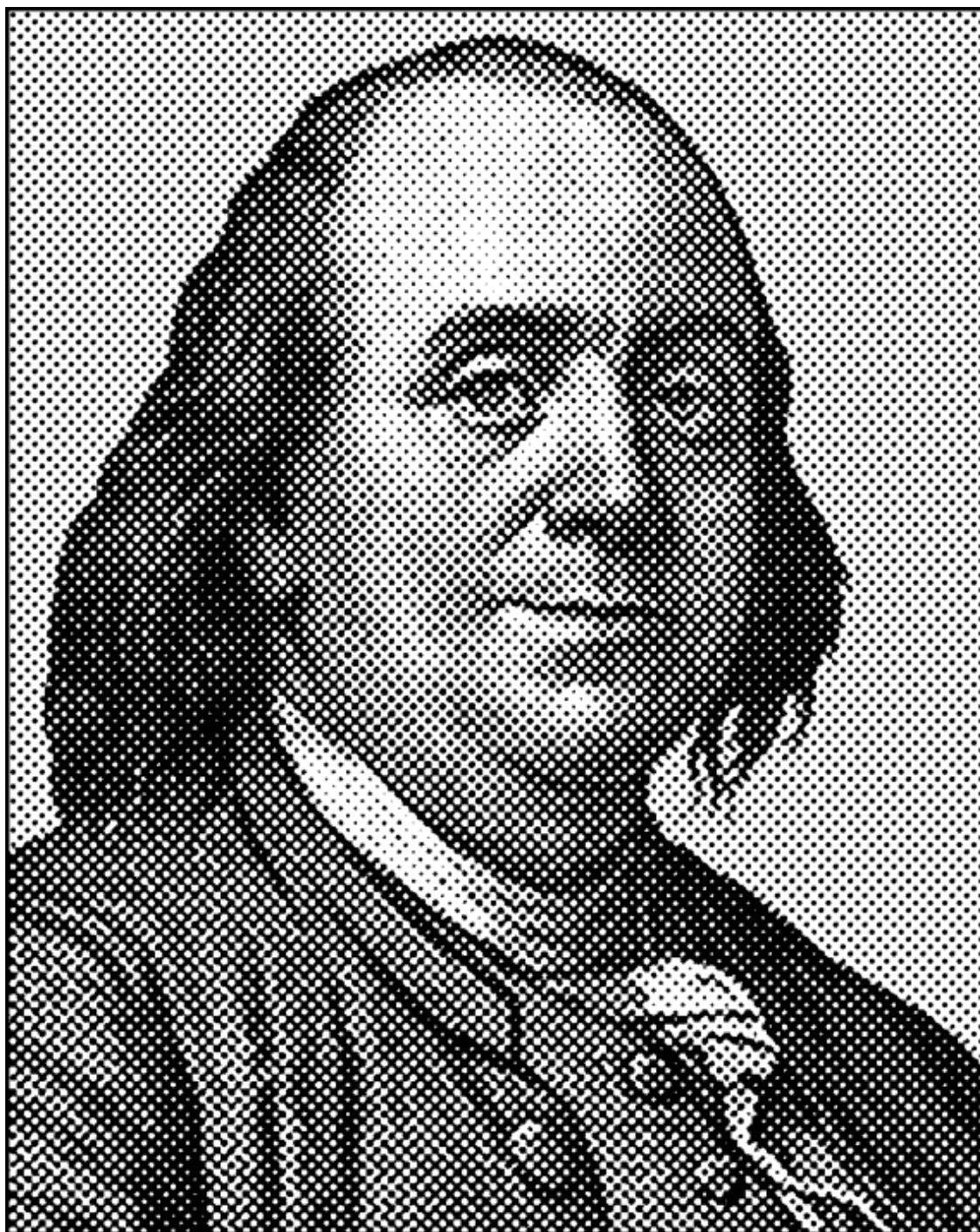
Расхожей фразой Ришелье о самом себе было: «Я все покрываю своей красной мантией».

Папа Римский Урбан VIII сказал о Ришелье такие слова: «Этот человек либо Бог, либо великий человек».

Когда Петр I посетил Париж, он упал на колени перед статуей кардинала Ришелье и воскликнул: «Если бы ты был жив, я бы отдал тебе полцарства, лишь бы ты помог мне править оставшейся половиной».

Бенджамин Франклин

Американский политик, дипломат, ученый, просветитель. Один из авторов Декларации независимости США (1776) и Конституции (1787).

Бенджамин Франклин родился 17 января 1706 года в Бостоне в очень большой семье. Его отец, Джозайя, был производителем мыла и свечей. У него по меркам даже того времени было огромное количество детей – герой нашего рассказа был пятнадцатым ребенком в семье, и позже у него появилось еще два младших брата. Глава семейства работал с утра до ночи, пытаясь прокормить своих многочисленных потомков; мать также целый день была

занята, ведя обширное хозяйство. Дети были предоставлены сами себе. Едва став на ноги, девочки начинали помогать матери, а мальчики, освоив начала грамоты, шли работать учениками к многочисленным бостонским ремесленникам. Бенджамин, как уже было сказано, родился в Бостоне, а вот его отец появился на свет в Англии, откуда семья Франклин переехала в Новый Свет. На родине Джозайя работал красильщиком, хорошо рисовал и вообще был достаточно одаренным человеком. Именно от него Бенджамин унаследовал склонность к графике, которая проявилась позже, во время освоения искусства книгопечатания.

Переезд семьи Франклин в Америку был вызван гонениями по отношению к англиканской церкви, которые в то время имели место в Англии. Именно этим можно объяснить глубоко либеральные взгляды на свободу религии и вероисповедания, которые сформировались у Бенджамина Франклина и которые он исповедовал всю свою жизнь.

Огромная семья Франклин жила очень дружно, однако ее нельзя было назвать зажиточной. Именно бедность не позволила Бенджамину получить даже начальное образование. Но он был необычайно талантлив. Так, читать и писать он научился уже в возрасте пяти лет. В восемь лет Бенджамин начал вести самостоятельную переписку со своим дядей, который жил в Англии. Пораженный удивительным для ребенка такого возраста кругозором и грамотностью, дядя посоветовал отцу отдать сына в грамматическую школу, чтобы тот мог впоследствии поступить в университет. Однако обучение Бенджамина в такой школе оказалось не по карману семье Франклин, и менее чем через год мальчик вынужден был перейти в менее престижную, но более доступную школу, где детей обучали основам грамоты и арифметики. Эти знания были необходимы любому ремесленнику. Однако и в этой школе Бенджамин проучился недолго. Снова сказались нехватка средств у родителей мальчика, а также... необычная нелюбовь ребенка к арифметике! В это трудно поверить, но прекрасный в будущем физик в детстве с величайшим трудом постигал основы простейших арифметических операций. В десять лет Бенджамин полностью переключился с учебы на помощь отцу в мастерской. Но работу с мылом и свечами мальчик откровенно недолюбливал. Видя это, отец не очень загружал сына поручениями, так что у Бенджамина было достаточно много свободного времени для игр со сверстниками.

Уже тогда проявлялась склонность Франклина к изобретениям. Бенджамин рано научился плавать, часто проводил время на берегу моря и однажды поразил сверстников изготовленным им деревянным аналогом ласт, благодаря которому ему легко удалось обогнать всех, даже намного более физически крепких сверстников. В другой раз он сумел запустить над морем воздушного змея и плыл с его помощью как под парусом.

Видя нелюбовь сына к мыловаренному делу, отец пытался найти ему дело по вкусу. Для этого Джозайя дает Бенджамину возможность понаблюдать за работой плотников, каменщиков и других ремесленников. Все это были знакомые Джозайи, и он, идя к ним в гости, просто брал ребенка с собой. Так еще в детстве наблюдательный Бенджамин познакомился с основными навыками работы, необходимыми для многих профессий.

На окончательный выбор специальности повлияла главная страсть, которая занимала двенадцатилетнего мальчика, – страсть к чтению. К этому времени ребенок перечитал все книги, которые имелись в доме. Те немногие деньги, которые изредка у него появлялись, он тратил на приобретение новых изданий. Причем мальчик читал не только приключенческую литературу, но и достаточно серьезные труды по истории и философии. В конце концов отец решил, что ребенку с такой любовью к чтению отлично подойдет профессия книгопечатника.

В двенадцать лет Бенджамин заключил контракт на ученичество с владельцем типографии. По этому контракту он обязан был девять лет во всем помогать своему хозяину, при этом получая от него лишь пропитание и ночлег. Платой за помощь была и учеба: за девять лет хозяин должен был обучить подмастерье всем тайнам своего ремесла. В то время ученик,

заклячая контракт, становился чуть ли не рабом. Так, ему запрещалось уходить от своего хозяина, жениться, посещать увеселительные заведения, ну и, само собой, он должен был выполнять все приказы учителя. Однако Бенджамину повезло, поскольку его хозяином был старший брат, правда, сводный – от первой жены отца (Джеймс Франклин ездил в Англию, где обучился ремеслу книгопечатания, и вернулся, чтобы открыть свое дело в Америке).

Работа с печатным станком очень нравилась мальчику, он быстро научился обращаться с ним и чинить при поломках. Кроме того, на этой работе он мог много читать. Бенджамин заводил знакомства с учениками книготорговцев, а значит, имел прямой доступ к новым книгам.

Черпая из книг много новой информации, Бенджамин стремился найти себе достойного собеседника, чтобы иметь возможность обсудить прочитанное. Таким человеком оказался ученик грамматической школы Джон Коллинз. Поскольку у мальчиков было мало свободного времени, их общение со временем приняло форму переписки. Однажды письма друзей попали в руки отцу Бенджамина. Тот, прочитав их, остался весьма доволен логическими размышлениями сына, однако раскритиковал литературный стиль, которым были написаны его письма. Бенджамин внял критике отца и начал тщательно работать над стилем, анализируя способы построения фраз, встречаемые им в различных книгах, пытаясь пересказывать прочитанное другими словами и фразами и анализируя различия между многими способами выражения одной и той же мысли.

В 16 лет Бенджамин нашел способ зарабатывать деньги, которые он тратил в основном на новые книги. Правда, способ оказался довольно странным. Под воздействием одной из прочитанных книг Франклин решил отказаться от мясной пищи и стать вегетарианцем. Однако в доме у его хозяина готовили один набор блюд на всех, и хозяйке было очень трудно приспособиться к новым предпочтениям ученика. Тогда Бенджамин предложил выплачивать ему часть денег, которые расходовались на его питание. На том и порешили. Затем юноша сумел организовать свое питание так, что расходовал на еду лишь половину суммы, которую получал.

В 1721 году Джеймс Франклин начал печатать свою собственную газету «Нью Ингленд Курант». Это была вторая газета в Америке. Бенджамин принимал активное участие в ее создании. В его обязанности входило набирать и печатать номер издания, а затем разносить его подписчикам. В типографии часто собирались авторы газетных материалов, которые бурно обсуждали достоинства и недостатки той или иной статьи. Слушая их разговоры и споры, Бенджамин мечтал о том, чтобы самому стать автором какой-нибудь газетной публикации. К тому времени он уже написал несколько стихотворных баллад о море, которые Джеймс напечатал и выгодно распродал. Однако отец Бенджамина жестоко раскритиковал его первые литературные опыты, после чего юноша навсегда перестал заниматься с поэзией.

Наш герой решил переключиться на газетную публицистику. Он долго сочинял свою первую статью, многократно переписывая текст. В конце концов Бенджамин подписал статью псевдонимом «Молчальница» и ночью подсунил под дверь редакции. Он опасался, что брат даже не станет читать статью, если заранее будет знать, кто является ее автором. Анонимная статья Молчальницы произвела фурор сначала среди владельцев газеты, а после того как была напечатана – и среди читателей. Бенджамин написал еще несколько статей под тем же псевдонимом, и ему снова сопутствовал большой успех. Темой первой статьи стало обличение горожан, которые выдавали себя за истинных ревнителей веры, а на деле использовали религиозные чувства людей для достижения своих целей. В другой статье Молчальница критиковала разгульную ночную жизнь бостонских обывателей. Высказывались в статьях и политические взгляды их автора. Так, обличалось неравноправие в обществе – Франклин

познал его на себе, когда из-за бедности родителей не смог получить образование, критиковалась неограниченная власть короля, распространявшаяся и на американские колонии.⁴

Статьи Молчальницы имели колоссальный успех. Многие бостонцы, включая и издателей газеты, ломали себе голову над тем, кто же был истинным автором на шумевших публикаций. Естественно, заподозрить в этом работавшего в типографии шестнадцатилетнего ученика они не могли.

Когда же личность таинственного автора наконец открылась, удивлению знакомых Бенджамина не было предела. Особо ошарашен был Джемс, его брат и хозяин. Он привык считать Бенджамина не более чем смышленным подмастерьем. А оказалось, что младший брат и ученик по способностям и влиянию на общество как минимум догнал своего учителя. Джемс был оскорблен этим обстоятельством, и отношения между братьями резко ухудшились.

Газета, которую издавал Джемс, считалась весьма радикальной. На ее страницах часто подвергались критике и высмеивались консервативный характер управления американскими колониями со стороны Британской империи, нежелание королевского правительства предоставить гражданам колоний больше свобод и прав, газета также часто проливали свет на злоупотребления местных чиновников. После выхода очередного подобного материала издатель газеты был арестован и месяц провел в тюрьме. Все это время Бенджамин фактически возглавлял газету, совмещая работу наборщика, корректора, редактора и автора статей. За этот месяц тираж издания существенно вырос, что лишний раз свидетельствовало о незаурядных способностях Франклина. Однако выйдя из тюрьмы, Джемс не захотел мириться с лидерством брата и попросту выгнал его из типографии. Более того, он договорился со своими коллегами в городе, чтобы те также не брали Бенджамина на работу. В результате тот был вынужден покинуть Бостон. Он отправился в Нью-Йорк, а оттуда в Филадельфию. Денег у семнадцатилетнего юноши не было, и для того, чтобы оплатить проезд, ему пришлось продать часть своих книг.

Из Бостона в Нью-Йорк Франклин добирался морем. По дороге с ним произошел случай, который оказал важное влияние на его мировоззрение. Увидев, что матросы собираются приготовить выловленную в море рыбу, Бенджамин попытался убедить их в том, что есть мясо живых существ грешно и аморально. Однако философия жизни оказалась сильнее придуманных человеком теорий. Матросам удалось настолько убедительно доказать Франклину его неправоту, что он тотчас позабыл о своем вегетарианстве и принялся вместе с ними лакомиться рыбой. Их рассуждения были просты и логичны: «Если люди перестанут убивать животных, те расплодятся, и людям станет негде жить». Кроме того, ему показали выпотрошенную рыбу, внутри которой была проглоченная ею мелкая рыбка. Эта сцена окончательно поколебала убеждения Бенджамина.

Нью-Йорк в то время был небольшим городом – куда меньше Бостона. Типография там уже была, а вторая такому маленькому городу не требовалась. Но владелец нью-йоркской типографии Брентфорд сжалился на Бенджамином и посоветовал ему отправиться в Филадельфию, где в то время жил и работал его сын. В Филадельфии, куда тут же поехал наш герой, место в типографии сына Брентфорда уже было занято, однако в городе имелось еще одно подобное заведение, правда, намного более захудалое. Его владелец, Кеймер, согласился взять Франклина в помощники. Вскоре выяснилось, что Франклин владеет ремеслом издателя куда лучше своего нового хозяина. Благодаря ему дела типографии резко пошли в гору. Зарплата Бенджамина была весьма невысокой, зато он не был ограничен в своих правах и возможностях и мог сам определять круг знакомых и решать, чем заняться

⁴ Во времена Франклина американские поселения имели статус заморских колоний Британской империи. Их жителей называли колонистами.

в свободное время. Молодой человек по-прежнему увлекался чтением, и постепенно приобрел репутацию чрезвычайно одаренного и умного человека, эдакого семнадцатилетнего мудреца. Вскоре о многообещающем печатнике прознал губернатор штата Пенсильвания Уильям Кейс.

Кейс лично встретился с Франклином и убедился, что молодой человек действительно не по годам умен и способен. Губернатор предложил ему открыть свою типографию, в которой, по словам Кейса, могли бы печататься официальная газета штата и многие другие официальные документы. Деньги на открытие типографии Кейс предложил занять у отца Франклина. Бенджамину идея губернатора понравилась, и он отправился в родной Бостон просить денег у отца. Однако Джозайя отказал сыну в деньгах, сославшись на его молодость, – по американским меркам, Бенжамин был еще несовершеннолетним и, по мнению отца, не мог самостоятельно вести дела. Отчасти эти слова были справедливы: молодому человеку было присуще действовать наперекор общественному мнению (как это было, например, с вегетарианством), и в то же время он привык во всем верить людям. Последним качеством пользовались многие знакомые Франклина, выманивая у того деньги и затем не возвращая их.

Узнав о том, что Джозейя отказал сыну в ссуде, губернатор предложил Франклину закупить необходимое для открытия типографии оборудование в Лондоне и пообещал выделить необходимые для этого деньги из средств штата. А дальше произошло нечто странное. Франклин отправился в Лондон, но по приезду туда не получил ни обещанных губернатором денег, ни рекомендательных писем к английским издателям с просьбой помочь молодому американцу... Возможно, легкомысленный Кейс попросту забыл о своем протеже, либо же попытался таким образом отделаться от настырного Франклина, слишком серьезно воспринявшего его мимолетное обещание. Так или иначе, но молодой человек оказался в чужом городе, в чужой стране практически без средств к существованию.

Однако, будучи прекрасным печатником, Франклин, устроился на работу в престижную лондонскую типографию. Так ему удалось решить свои материальные проблемы и обеспечить себе возможность заниматься на досуге любимым делом – чтением книг. В то время Бенжамин продолжал увлекаться философией, он прочитал много трудов современных ему мыслителей. Особое впечатление на него произвела работа Локка «Опыт о человеческом разуме». Франклин пишет и сам издает брошюру под названием «Диссертация о свободе и необходимости, удовольствии и страдании». В этой работе он остро критикует церковный догмат о добре и зле. Брошюра была издана небольшим тиражом и без указания имени автора на обложке. Но тем не менее эту работу заметили, и благодаря ей о Франклине узнали многие английские ученые того времени.

Но вскоре наш герой решил вернуться в Америку, поскольку Англия так и не стала для него родной. Путешествие стоило дорого, и Франклин начал экономить на всем, включая книги, откладывая деньги на проезд. Но тут ему помог случай: один его знакомый, Денхэм, предложил Франклину перейти к нему на службу и помочь открыть дело в Америке. Бенжамин согласился, вместе с Денхэмом они совершили все необходимые приготовления, закупили товар, и в июле 1726 года Франклин отплыл в Америку.

Вернувшись в Филадельфию, Бенжамин, как и было запланировано, начал работать с Денхэмом. У Франклина не было особой страсти к коммерции, однако трудолюбие и усердие помогли ему освоить и этот вид деятельности. Более того, их предприятие было весьма успешным и приносило немалый доход. Работая с Денхэмом, Франклин усвоил немало приемов, в том числе и не самых джентльменских, которые позволяли успешно бороться за потребителей и вставлять палки в колеса конкурентам. Однако их фирма процветала недолго. Зимой 1727 года напарники тяжело заболели воспалением легких. Для Денхэма болезнь ока-

залась смертельной, Франклину же удалось выжить, но он снова в который раз остался без средств к существованию.

Вскоре Бенджамину удалось устроиться на свое прежнее место работы в Филадельфии, в типографию к Кеймеру. Тот даже назначил Франклину весьма солидную по тем временам зарплату, что было нехарактерно для этого, в общем-то, жадного человека. Но секрет вскоре раскрылся: Бенджамин, считавшийся одним из лучших специалистов в издательском деле, должен был обучить своему ремеслу многочисленных учеников Кеймера. Затем хозяин намеревался уволить Франклина, а ученикам, квалификация которых существенно возросла бы, платить гроши, предусмотренные договором.

Однако работа у Кеймера позволила Франклину создать Хунту – сообщество образованных людей, заинтересованных в общении с близкими себе по духу и любящими в ходе аргументированного спора вырабатывать ответы на самые разнообразные вопросы, касающиеся различных сфер деятельности человека. Члены Хунты собирались по выходным дням в помещении типографии: Кеймер, один из немногих в то время в Америке, принципиально не работал и не занимался никакими делами в субботние и воскресные дни. Также важной задачей члены Хунты считали моральное самоусовершенствование. В Хунту входило двенадцать человек. Собравшись, товарищи начинали обсуждать в порядке очереди предложенные одним из них вопросы из области морали, политики или естествознания. Обсуждение должно было проходить в доброжелательном тоне, без категоричных выводов и резких высказываний; нарушителям последнего правила полагался незначительный штраф.

Широта и разнообразие обсуждаемых Хунтой вопросов тем более примечательна, что ее членами были не ученые и не представители состоятельных слоев общества. В нее входили несколько товарищей Франклина по типографии, а также столяр, сапожник, землемер и представители других рабочих профессий.

Между тем скорый разрыв Франклина с Кеймером стал неизбежен. В это время к Бенджамину обратился один из учеников Кеймера, Мерелит. Франклин обучал его, как и других, своему ремеслу, и Мерелит был пленен уровнем интеллекта своего учителя. Он предложил Франклину уйти от Кеймера и вместе с ним открыть свою типографию. Необходимый начальный капитал был взят в займы у отца Мерелита. И уже летом 1728 года типография «Франклин и Мерелит» начала работу. Новая типография получала поначалу множество мелких заказов с помощью друзей ее владельцев, членов Хунты. Однако это лишь позволяло сводить концы с концами. Конкуренция в Филадельфии была высокой, и новое предприятие могло довольно быстро обанкротиться. Однако на помощь снова пришли друзья из Хунты, которые взяли на себя часть долгов компании. Вскоре Мерелит вышел из дела, и Франклин стал единственным владельцем типографии.

Вот тогда-то Бенджамин наконец сумел в полной мере реализовать себя. Его типография довольно быстро стала преуспевающим предприятием, оставив позади конкурентов. Показателен случай с выходом газеты. К тому времени в Филадельфии была лишь одна газета, которую выпускало издательство Брентфорда. Франклин, помня о том, каким спросом пользовалась газета в Бостоне, решил организовать издание еще одной газеты. Однако Кеймер, узнав о намерениях своего бывшего сотрудника, опередил его и начал выпуск раньше Франклина. Но особых талантов у Кеймера не было, и газета не пользовалась успехом. Плюс ко всему Бенджамин разместил в издании Брентфорда несколько сатирических статей, высмеивавших детище Кеймера. В конце концов Кеймер признал свое поражение и предложил Франклину выкупить у него газету за мизерную сумму. Газета, издаваемая нашим героем, сразу пришлось по душе читателям, стала пользоваться авторитетом в Филадельфии и, естественно, приносить доход своему хозяину. Видя успех газеты, типографии начало доверять и правительство штата. Бенджамину поручали печатать различные официальные документы, избирательные бюллетени и даже деньги. Кроме того, типография

Франклина выпускала как книги религиозного содержания, так и художественные романы. Самым успешным из издательских проектов Бенджамина считается «Альманах бедного Ричарда». Его издание началось в 1732 году и продолжалось 25 лет. В альманахе Франклин печатал все, начиная от рассказов о различных занимательных фактах из жизни исторических личностей и заканчивая советами по хозяйству. Кроме того, в альманахах публиковалось большое количество разнообразных пословиц и поговорок, авторство значительной части из которых принадлежало самому Франклину. Приведем некоторые из них:

«Лень плетется так медленно, что бедность быстро нагоняет ее».

«Видеть легко – трудно предвидеть».

«Если хотите быть богатым, научитесь не только зарабатывать, но и быть экономным».

«Лучший врач тот, кто знает бесполезность большинства лекарств».

«Если хочешь иметь досуг, не теряй времени даром».

«Кто живет надеждой, рискует умереть голодной смертью».

«Брак без любви чреват любовью без брака».

«Кто так часто обманывал тебя, как ты сам?»

«Если ты покупаешь то, что тебе не нужно, то скоро будешь продавать то, что тебе необходимо».

«Помните, что деньги обладают способностью размножаться».

«Тратьте меньше, чем зарабатываете, – вот вам и философский камень».

«Если ты хочешь, чтобы тебе всегда угождали, прислуживай себе сам».

«Землепашец, стоящий на своих ногах, гораздо выше джентльмена, стоящего на колени».

«Поскольку ты не уверен даже в одной минуте, не трать попусту ни одного часа».

«Отсутствующие всегда остаются виноватыми; присутствующие всегда имеют возможность оправдаться».

«Большая империя, как и большой пирог, легче всего объедается с краев».

«В каком бы положении люди ни находились, они всегда могут найти удобства и неудобства».

«Одно сегодня стоит двух завтра».

«В реках и плохих правительствах наверху плавают самые легковесные».

«Гнев всегда имеет основания, но редко достаточно веские».

«Чтобы быть довольным своим положением, необходимо сравнивать его с положением худшим».

«Если бы мошенники знали все преимущества честности, то ради выгоды они перестали бы мошенничать».

«Трезвость кладет дрова в печку, мясо – в кастрюлю, хлеб – на стол, кредит – государству, деньги – в кошелек, силу – в тело, одежду – на спину, ум – в голову, довольство – в семью».

«Тот дурно воспитан, кто не переносит дурного воспитания в других».

«Если хотите узнать недостатки девушки, похвалите ее перед подругами».

«Лень делает всякое дело трудным».

«Если хочешь продлить свою жизнь, укороти свои трапезы».

«Выбирай друга не спеша, еще меньше торопись променять его».

«Не откладывайте на завтра то, что можно сделать сегодня».

«Время – деньги».

«Кредиторы отличаются лучшей памятью, чем должники».

«С тех пор, как люди научились варить пищу, они едят вдвое больше, чем требует природа».

«Труд – отец счастья».

«Если время самая драгоценная вещь, то растрата времени является самым большим мотовством».

«Брат может не быть другом, но друг – всегда брат».

«Я не откажусь снова прожить свою жизнь от начала до конца. Я только попрошу права, которым пользуются авторы, исправить во втором издании ошибки первого».

«Легче подавить первое желание, чем утолить все, что следует за ним».

«В двадцать лет человеком властвует желание, в тридцать лет – разум, в сорок лет – рассудок».

«Если хочешь крепко спать, возьми с собой в постель чистую совесть».

«Разврат завтракает с Богатством, обедает с Бедностью, ужинает с Нищетою и ложится спать с Позором».

«Пожертвовавший свободой ради безопасности не заслуживает ни свободы, ни безопасности».

«Гордость, обедающая тщеславием, получает на ужин презрение».

«Все преимущество иметь деньги заключается в возможности ими пользоваться».

«Понуждай сам свою работу; не жди, чтобы она тебя понуждала».

«Не исправление ошибки, а упорство в ней роняет честь любого человека или организации людей».

«К занятому человеку редко ходят в гости бездельники: к кипящему горшку мухи не летят».

«Гордецы ненавидят гордость в других людях».

«Богатство главным образом зависит от двух вещей: от трудолюбия и умеренности, иначе говоря – не теряй ни времени, ни денег и используй и то и другое наилучшим образом».

Вокруг газеты Франклина вскоре сложился целый коллектив авторов, материалы которых регулярно печатались. Бенджамин сумел добиться того, что его издание стало считаться весьма авторитетным даже за пределами Филадельфии.

Ко времени, совпавшему с началом выпуска газеты, относится и женитьба Франклина на Деборе Рид. Вообще-то, этот брак мог состояться намного раньше. Еще во время первого приезда Бенджамина в Филадельфию он снимал комнату в доме, принадлежавшем родителям девушки. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, однако тогда Франклин предпочел созданию семьи поездку в Лондон. За время его отсутствия Дебора, не связанная каким-либо обещанием, вышла замуж. Однако ее брак оказался несчастливый; муж Деборы, гончар, много пил и в конце концов сбежал из города, бросив жену. После возвращения Бенджамина из Англии отношения между молодыми людьми возобновились, и в 1730 году они заключили гражданский брак. Об освящении их союза церковью речь идти не могла, поскольку, во-первых, Дебора официально считалась замужней женщиной, а во-вторых, Бенджамин довольно скептически относился к необходимости церковных обрядов.

А тем временем издательство Франклина разрасталось, постепенно превращаясь в целую сеть предприятий. Бенджамин брал себе учеников, и когда те достигали необходимого уровня квалификации, заключал с ними договор, по которому они могли открывать свое дело в каком-либо городе. Франклин обязывался покрывать треть расходов предприятий своих учеников, а те должны были перечислять ему треть от своих доходов.

После того как издательство и газета Франклина крепко встали на ноги, он мог тратить больше времени и сил на распространение своих идей и взглядов среди современников. Но это уже был не тот наивный юноша, который пытался заставить матросов отказаться от рыбы одними лишь упреками и наставлениями. Для реализации своих идей и проектов Франклин умело подготавливал общественное мнение, заручался поддержкой влиятельных горожан. При этом он не выпячивал свое участие в этих начинаниях, и у людей часто создавалось

впечатление, что идея проекта пришла в голову кому-то другому или даже многим людям сразу.

Первым просветительским проектом Франклина стало открытие в Филадельфии общественной библиотеки. Поначалу члены Хунты создали библиотеку из своих книг и исключительно для собственного пользования. Просуществовала она недолго, но идея осталась, и Франклин напечатал в своей газете статью, где доказывал необходимость и полезность открытия общественной библиотеки и объявлял об открытии подписки. И хотя это сообщение не вызвало энтузиазма у жителей Филадельфии, благодаря усилиям членов Хунты удалось найти около пятидесяти подписчиков, выступивших учредителями библиотеки. Был составлен тщательно продуманный список книг, включавший работы по математике, философии, юриспруденции, а также многочисленные художественные сочинения. Книги были закуплены в Англии и доставлены в Филадельфию в 1732 году. Доступ в библиотеку был открыт для всех желающих, но брать книги на дом могли лишь подписчики. Поначалу библиотека размещалась в доме одного из членов Хунты, однако через несколько лет, когда полезность начинания стала очевидна многим, власти выделили специальное здание.

Сложнее обстояло дело с поддержанием порядка на улицах города. В то время все жители Филадельфии были обязаны по очереди охранять улицы от воров и разбойников. Эта повинность не пользовалась популярностью, многие горожане стремились под разными предлогами избежать ее или же откупиться. В роли охранников порядка часто выступали самые настоящие бандиты, которые, естественно, пользовались этим для личной выгоды. Франклин составил проект создания профессиональной службы охраны порядка. Проект обсудили на заседании Хунты, затем идея очень осторожно была подброшена другим подобным клубам, которых в городе насчитывалось немало. В результате значительная часть горожан заинтересовалась проблемой защиты города от преступников и стала единомышленниками Франклина, даже не зная о том, что он автор этой идеи. Правда, до ее реализации в виде принятия закона штата прошло несколько лет, но и это был большой успех. Подобным способом Франклин разработал и реализовал идею о создании пожарной команды в Филадельфии.

С именем Франклина связывается также решение проблемы загрязненности городских улиц. Через свою газету он пропагандировал введение небольшого налога, средства от сбора которого шли бы на оплату труда специально нанимаемых уборщиков. Затем с подачи Франклина улицы Филадельфии были вымощены камнем и на них появилось освещение.

Самым значимым из подобных социальных проектов наш герой считал создание общественной больницы. Этот проект был самым трудным, поскольку больница предназначалась и для жителей окрестных городков и ферм, и нужно было убедить их в целесообразности дополнительных расходов. Франклин напечатал огромное количество статей, которые ратовали за необходимость больницы. Ему удалось убедить в этом и членов Ассамблеи – органа местного самоуправления. Причем Франклин принял личное участие в разработке билля об открытии больницы, причем составил его так, что принятие этого билля способствовало прославлению членов ассамблеи, проголосовавших за него. Вскоре городская больница начала свою работу. Таким же образом Франклину удалось добиться открытия в Пенсильвании университета. Отличие его от уже существовавших к тому времени в Америке учебных заведений состояло в том, что он был первым светским университетом, т. е. не был связан ни с одной из церковных конфессий.

Несмотря на исключительную скромность, проявлявшуюся во всех начинаниях и поступках Франклина, его участие во множестве нововведений в Филадельфии не осталась незамеченной земляками. В 1736 году он был избран на пост секретаря Законодательного собрания штата, а еще год спустя получил должность главного почтмейстера Филадельфии. Получение этих должностей еще сильнее подняло авторитет Франклина и его газеты, коли-

чество подписчиков и читателей значительно возросло, а следовательно, увеличился интерес к идеям, которые Бенджамин распространял через свою газету.

А ему действительно было что рассказать своим читателям. Как весьма начитанный человек, к тому же регулярно обсуждающий в Хунте различные общественные и научные проблемы, он имел собственную точку зрения на многие вопросы, волновавшие общество того времени или являющиеся для него актуальными. Со страниц своей газеты Франклин резко критиковал рабство, которое было распространено в Америке, осуждал захватнические войны, бессмысленную жестокость на войне, особенно по отношению к индейцам. Высказывался он и по проблемам, связанным с закостенелостью религиозных догм и оторванностью религии от обыденных проблем простых людей. Наконец, Франклин позволял себе критиковать политику Англии в отношении американских колоний, политику, которая была направлена лишь на выкачивание денег и совершенно не учитывала интересов колонистов. Типичным примером проявления такой политики являлся категорический отказ губернатора штата выделить хоть какие-либо средства на укрепление отдаленных поселений с целью их защиты от индейцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.